

ВСТРЕЧА

3(21)
2005

Студенческий православный журнал
Московской духовной академии

Издается
по благословию
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Координаторы издания

архиепископ Верейский Евгений,
ректор Московской духовной академии

Е. А. Пархаев,
директор ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Главный редактор

Петр Королев

Редакционный совет

иерод. Пантелеимон (Шустов)
Николай Солодов

Набор и корректура

Елена Пахомова
Ольга Некрашевич

Верстка

Игорь Третьяков

Фото

Денис Матвеев

Адрес редакции

141300 Московская область,
Сергиев Посад, Лавра,
Академия

Тел.: +7 (096) 540·6218
Факс: +7 (096) 540·3160

<http://www.mpda.ru>
<http://vstrecha.uchkom.ru>
vstrecha_mpda@mail.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати
Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 года

Журнал издается попечением
ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Подписано в печать 04.10.2005
Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала «Встреча»

Отпечатано в ХПП «Софрино» РПЦ

Представьте себе: начало сентября, студенты и студентки в аудитории ждут нового преподавателя, перебрасываются шуточками, и вдруг входит... некто в рясе. Наверное, можно было бы написать целую повесть о том, что происходит в это время в головах и студентов, и вошедшего лектора: каждый из них оценивает, чего ждать от противоположной стороны. Если бы была обратная ситуация — студенты вошли бы в храм, — то каждой из сторон было бы ясно, как себя вести и что

говорить. А тут... Поворот событий, пока что непривычный для наших университетов.

Тем не менее, эта ситуация сегодня очень важна. Студенты пришли в вуз для того, чтобы получать знания и навыки, но это далеко не единственная их цель. Им важно немножко отсрочить свой самостоятельный выход в «большой мир», подготовиться к нему, постараться ответить для себя на самые важные вопросы: «Кто я? Чего я хочу? Куда я иду?» Эти вопросы цепочкой тянутся друг за другом и приводят к размышлениям о смысле жизни. И здесь преподаватель, который желает помочь студенту, не должен подсовывать ему «шпаргалку» с готовым ответом. Надо ввести его в курс религиозной мысли, научить самостоятельно думать.

Сегодня Московская духовная академия, старейшая высшая школа России, празднует свое 320-летие, но при этом ее младшие братья и сестры — институты и университеты — с большим недоверием смотрят на Церковь, которая смиренно *стоит у их дверей и стучит* (Откр. 3:20), ожидая, пока они ответят для себя на вопрос: «Зачем науке Церковь?»

Петр Королев,
главный редактор

Редакция благодарит преподавателей и студентов
Московских духовных школ, участвовавших в подготовке этого номера.
При использовании материалов ссылка на журнал «Встреча» обязательна.

**Редакция будет рада сотрудничеству с новыми авторами,
особенно со студентами.**

*В оформлении обложки использован
фрагмент картины «Алхимик» Давида Рикета III*

тема номера

**Культура теологической мысли
как часть образовательного
универсума** **4**

диакон Андрей Кураев

**Голос Церкви
в Московском университете** **8**

протоиерей Максим Козлов

Зачем науке Церковь? **11**
Мысли вслух

На пути к схоластике **13**

Из жизни первых университетов

Николай Солодов

Уроки богословия **19**

Кафедра теологии МИИТа

Елена Шутикова

**Хабаровская духовная семинария —
патриарший проект** **22**

Интервью с проректором Хабаровской семинарии
иеромонахом Петром (Еремеевым)

история академии

Памятник почившим наставникам **26**

иеродиакон Ефрем (Просянок)

Родные лица **29**

протоиерей Николай Соколов

новомученики

Воскресение Христово видевше **33**

Умозрение и подвиг Александра Туберовского

Сергей Барицкий

церковное искусство

Стихарь, светлая одежда ангелов

иерей Дионисий Хропот

37

Живопись иглой

Швейный цех художественно-производственного предприятия
«Софрино» Русской Православной Церкви

42

богословие

Мудрый простец

иеромонах Леонтий (Козлов)

46

Велия благочестия тайна

старец Порфирий Кавсокаливит

47

технологии

Вопросы издалека

Православный образовательный видеоканал «Покров»

Петр Каминский

50

педагогика

Школа лидерства

Виктор Зайцев

52

чтение

Христианская фантастика

Юрий Максимов

55

дальние страны

По водам семи морей

Андрей Кудряшов

58

летопись

63

диакон Андрей Кураев,
профессор Московской духовной академии

Культура теологической мысли как часть образовательного универсума

Умеете ли Вы читать?

4

Как в былые времена, так и сегодня у России есть некоторая недобрая уникальность в семье европейских стран: среди них она является единственной, где богословские науки не входят в круг университетского образования. И вот перед нами стоит вопрос: в каких формах вообще возможно присутствие православного богословия в рамках светского университета?

Впрочем, для начала необходимо сказать несколько слов о том, что такое современное богословие. Смысл термина «богословие» серьезно изменялся за века его существования, и не всегда даже церковные люди обращают на это внимание. Когда-то, если верить отцу Александру Шмеману,

само слово *θεολογέω* означало «песнословить», «воспевать Господа». Позднее авва Евагрий сказал знаменитую фразу: «Кто истинно молится, тот истинный богослов». Но со времен аввы Евагрия прошли столетия, и за это время богословие стало скорее наукой, чем просто опытом духовной жизни. И сегодня очень важно помнить, что когда мы стучимся в двери светских учебных заведений — будь то школа или университет, — мы идем туда не с формулой аввы Евагрия и не для того, чтобы школьников и студентов обучать истинной православной молитве.

Сегодняшнее богословие, в том числе и преподаваемое в стенах духовных академий, по своей методологии, по предмету своего исследования, по процедуре доказательств и опровержений — это

обычная гуманитарная наука. В общем, богословие изучает то же, что и большинство других гуманитарных наук, будь то история, культурология или психология — тексты. Мы учимся читать. Для этого надо старательно трудиться не только в первом классе школы, но и всю жизнь. Московской семинарии я благодарен в первую очередь именно за то, что она заново научила меня читать. В Университете, скорее, надо было прочитывать, проходить. В советские времена даже на классику учили смотреть сверху вниз: «Гегель шел, но не дошел, Герцен понял, но недопонял. А мы, конечно, самые умные, белые, пушистые, коммунистические и сверху на всех остальных посматриваем». И только оказавшись в стенах Семинарии, я впервые встретился с совершенно другим отношением к книге. Оказывается, есть Книга, которая заведомо умнее, выше меня. Если я в ней что-то недопонял, то это моя проблема, а не проблема этой Книги. Мне нужно самому подрасти для того, чтобы ее понимать.

Логика «стремительного домкрата»

Культура чтения предполагает в том числе и такую странную процедуру, как реконструкция хода мысли автора. Казалось бы, зачем? Лучше автора его мысль не передашь. Для чего же тогда реконструкция: культурологическая, психологическая, историческая, логическая, текстологическая или какая-то еще? Но проблема вот в чем: у каждого из нас есть свои зоны слепоты и есть свои зоны очевидности. И именно последние нуждаются в особенно внимательном отношении. Очевидное для одного человека на основании его личного опыта и культурного окружения может быть отнюдь не очевидным для другого.

Я очень благодарен первому богословскому редактору в моей жизни, главному редактору журнала «Альфа и Омега» Марине Андреевне Журиной. Когда я приносил для журнала свои первые статьи, ее излюбленным замечанием было следующее: «Отец Андрей, здесь у Вас работает логика „стремительного домкрата“. Первая фраза понятна, вывод верен, и я в общем-то догадываюсь, как Вы перешли от первого ко второму. Но между ними хорошо бы вставить еще два-три абзаца, чтобы не только мне было понятно».

Не у всех писателей древности и даже святых Отцов были такие хорошие редакторы. То, что было очевидно и логично для них, а посему не было объяснено и «разжевано», — именно это нуждается в переводе на язык нашей современной культуры. Поэтому умение читать тексты, тем более возникшие в иных традициях, — это искусство, которым нужно овладевать всю свою жизнь. Богословие здесь использует все те методы герменевтики, интерпретации текста, которые приняты в современных гуманитарных науках.

Отличие может быть только в одном. Есть то, что является лишь пожеланием в светской науке, но становится гласным и формальным требованием в науке церковной. В мире филологов и историков лишь рекомендуется любить предмет своего исследования, и на защите кандидатской по Пушкину никто не потребует присяги в пожизненной любви к поэзии Александра Сергеевича. Тем не менее все понимают, что лучше не прикасаться к Достоевскому, если ты на самом деле являешься тайным поклонником Льва Толстого. В Православии это неформальное пожелание становится вполне формальным и обоснованным. Ты должен любить то, что изучаешь: мир истории Церкви, мир Священного Писания, мир святых Отцов. Исследователь должен стремиться прикоснуться к тому экзистенциальному опыту, который является базовым и исходным для тех людей, чьи тексты он изучает.

Фабрика силлогизмов

Богословие рационально. Но рациональность определяется не материалом, а методом исследования, методом обработки этого материала. Еще у Гете сказано:

В мозгах, как на мануфактуре,
Есть ниточки и узелки.
Посылка не по той фигуре
Грозит запутать челноки.

Наше мышление — это некий конвейер, фабрика силлогизмов, которая работает одинаково и у светских ученых, и у церковных. Все зависит от того, какой материал закладывать в конвейер: если в линию консервирования заложить огурцы, то на выходе получишь банки с консервированными огурцами. Если заложить помидоры, в конце той же самой линии получишь консервированные помидоры. От человека зависит, какой сегмент человеческого опыта он будет исследовать: религиозный опыт, или экономический, или какой-то иной. Культура логического мышления потребует одна и та же. Так что теология — это модус присутствия логики в иррациональном мире религии.

Современная университетская культура гораздо более терпима, нежели культура XIX столетия: тогда в образованном сословии считалась научной — а значит единственно верной — только математическая парадигма мышления. Сейчас образованный человек должен быть полиглотом, владеть несколькими языками. Я говорю не об итальянском или суахили, речь о том, что сегодня образованный человек должен владеть и языком естествознания, и языком компьютерной техники, и языком поэзии и мифа, и языком богословия, и языком философии. Это разные языки, но человек современной культуры должен

6

владеть всеми этими языками, понимать своеобразие каждого из них. Современная культура научилась понимать, что рациональность может быть разной. Рациональность мифа одна, рациональность психологии — другая, рациональность философии — третья. И все они отличны от рациональности формальной логики и математики.

Философ перед молодыми инквизиторами

Следующий мой тезис состоит в том, что в университете богословие неизбежно превращается в философию. Здесь необходимо пояснить термины.

Философия — это особый регистр работы человеческого сознания. Этот регистр совершенно отличен от регистра деятельности пророка. Человек, вещающий истины от имени некоего сакрального авторитета, которого он ощущает за своей спиной, не обязан заботиться об аргументации и убедительности своих слов. Совершенно иная ситуация у философа: как частный мыслитель он представляет свое собственное мнение, и поэтому изначально открыт для критики, знает, что с ним могут не согласиться, и потому ищет рациональные аргументы. Именно в этом смысле богословие, оказываясь в среде светского университета, неизбежно превращается в философию: оно должно искать логические доводы.

Когда я листаю дореволюционные курсы, которые читали в духовных академиях, и сравниваю их с лекциями на те же темы в университетах, меня всегда удивляет, что более интересными и живыми оказываются именно университетские церковно-исторические и богословские курсы,

а не академические. Причина понятна, за 13 лет своего преподавания в Университете я ее очень хорошо прочувствовал. Представьте себе аудиторию, в которой сидят ребята с разных факультетов: физики, математики, биологи, филологи, историки... Эти люди не обязаны слушать мои лекции, не обязаны на них ходить. Это на самом деле собрание молодых инквизиторов, они только и ждут возможности, чтобы вступить в полемику и сказать: «Э, батюшка! Да чего же Вы такое ляпнули, разве можно так говорить? Вы приходите к нам на спецкурсы, там послушайте, чтобы Вам все стало ясно». Преподавание в Университете — именно благодаря тому, что там собраны люди разных научных школ, — учит отвечать за свои слова. Учит крайне аккуратно выходить за пределы своей компетентности, а лучше вообще этого никогда не делать. Учит четко отделять фактические утверждения от личного мнения.

Чем выше забор, тем крепче дружба

Если богословие появится и нормально пропишется в стенах университетов, оно не будет некоей «внеаучной инъекцией» внутрь университетской мысли. Богословие — это не «всеобщая теория всего», оно не претендует на универсальность ни своего метода, ни своего языка. Долгая и сложная история европейской христианской культуры научила нас одному замечательному принципу, который можно выразить словами немецкой поговорки: «Чем выше забор, тем крепче дружба». Это прекрасная формула мирного сосуществования и сотрудничества богословия и науки.

Чтобы этот забор не рушился, преподаватель, приоткрывающий мир православного богословия для светской аудитории, должен четко различать две интеллектуальные процедуры: «объяснить» и «доказать». Доказать означает принудить аудиторию к согласию с определенной позицией, а объяснить — значит показать наличие внутренней логики в той позиции, которую я излагаю. Именно объяснением, а не доказательством будет заниматься любой филолог, когда возьмется рассматривать позицию автора. Надо заметить, что книга становится нам интересна ровно с той минуты, когда она перестает быть очевидной. Читать текст, с которым всецело согласен, скучно. А вот когда в мозгу зажигается красная лампочка и начинается обдумывание: «Вроде бы автор умный человек, а такую чушь говорит... Странно, ведь он же не идиот... С какой же точки зрения он так увидел и оценил эту ситуацию?» — вот тогда и начинается реконструкция логики автора, его позиции, попытка объяснить ее для себя, найти разумное зерно.

Логике мифа, символику обряда, христианские догматы можно объяснить но не доказать. В светской аудитории я могу объяснить, какое значение для нас, православных людей, имеет принцип обратной перспективы в иконографии. Но это совсем не значит, что я доказал, что сакральная живопись обязана быть такой. В мире религии нет ничего бессмысленного, но есть много недоказуемого. Для носителя живой религиозной традиции каждая подробность верования и обряда наполнена смыслом. Задача исследователя — показать этот смысл и перевести его на язык университетской лекции.

Итак, задача университетского преподавателя теологии — более объяснять, нежели доказывать. Хотя ряд тезисов по богословию вполне доказателен в точных терминах светских наук (датировка, установление авторства текста, определение значения какого-нибудь термина в определенном круге текстов и тому подобное).

И самое важное здесь — избежать комиссарства. Я помню замечание одного немца-филолога, изучавшего русский язык и литературу: «Русский язык — необычный язык, потому что во всех европейских языках есть три основные интонации: повествовательная, восклицательная и вопросительная, а в русском есть особая, четвертая — это интонация советской учительницы». Упаси Господь в средней школе, а тем более в университете говорить о нашей вере с такой интонацией.

Бескультурье и его чада

Я хотел бы повторить тезис, что теология — это модус присутствия рационального в иррациональном мире религии. Когда сегодня светские ученые

порой гнушаются контакта с миром богословия, не допуская теологические курсы в рамки светской программы образования, надо понять, чем рискуют эти люди. Любое бескультурье мстит за себя, в том числе бескультурье в области религиозной, религиоведческой, теологической. Теология — это дисциплина мысли, это систематика, которая неизбежно налагает ограничения на вольный полет фантазии. Но если нет ограниченности в чем-то, то нет никакой определенности. Можно вечно стоять на перекрестке, тогда ты не перекроешь себе ни одну из возможностей, но и не реализуешь ни одну из них.

Точно так же и в интеллектуальном мире, и в мире богословия. Если попросить богословие выйти за дверь: «ах эта схоластика, догматика, инквизиция!» — кто останется в классе? Паиньки? Нет, не паиньки. Альтернатива курсу теологического просвещения — это игра непросвещенных религиозных инстинктов. Такое бескультурье будет проявлять себя и в экстремизме, и в диком всеверии.

В среднем два-три раза в неделю я вхожу в стены нового для меня учебного заведения. И, конечно, нередко оказываюсь в ситуации, когда зал на меня смотрит как Ленин на мировую буржуазию: «У нас научный центр, а тут поп приехал! Ну что ты нам можешь сказать?» У меня есть уже наработанный прием для того, чтобы наладить диалог даже с самой враждебно настроенной молодежной аудиторией. Я помню тайную мудрость нашего двора: лучший способ познакомиться — это подражаться. Самая трудная аудитория в таких вузах — девччья. Девчонки из деревень приехали, чтобы просто немного пожить в городе, им без разницы, что изучать и кем потом работать. Но при этом они считают себя интеллектуальной элитой: все-таки в университете учатся.

И вот этих «ученых дев» я спрашиваю:

— Вы ведь живете вне религии?

— Да, нам до этого дела нет. Мы научная школа!

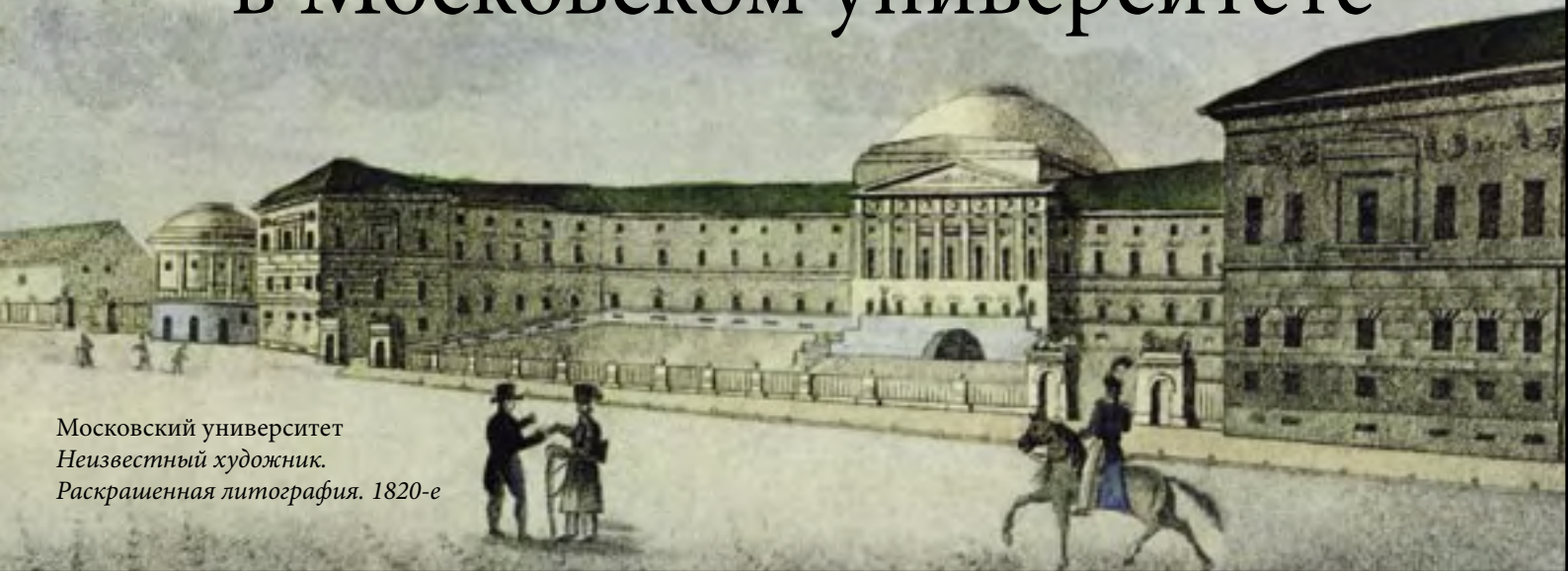
— Хорошо. Но тогда скажите, девоньки, а сколько у вас в городе приворот стоит?

И ведь случая не было, чтобы они не назвали сумму с точностью до рубля! Пресловутая «нерелигиозность» наших современных университетов — это лишь иллюзия ректората. На самом деле мир реальных студентов — очень религиозный. Увы, религиозность эта порождена бульварной литературой оккультно-магического содержания. В таких условиях отказываться от здравого и систематического изучения европейской и русской традиции религиозной мысли — а это и есть богословие — просто немилосердно.

протоиерей Максим Козлов,
профессор Московской духовной академии

Голос Церкви в Московском университете

Московский университет
Неизвестный художник.
Раскрашенная литография. 1820-е

8

Церковь в Университете и богословие в светской аудитории — сегодня это вновь стало вполне реальным. Действительно, есть положительный опыт создания домовых храмов при вузах, в России уже действует более 40 таких церквей, но ситуация с теологическими факультетами складывается не так позитивно. Очевидный диссонанс возникает, когда деканами оказываются люди, прямо декларирующие свои атеистические воззрения, немало затруднений связано и с отсутствием опоры на тот опыт, который был в русских университетах до 1918 года. Для того, чтобы помочь в разрешении этих сложностей, сейчас при домовом храме МГУ осуществляется большой проект по сбору информации о преподавании богословских дисциплин до революции, по научной адаптации и публикации этих материалов.

Если говорить конкретно о Московском университете, то преподавание собственно богословия в его стенах начинается с 20-х годов XIX века. То, что было до того — лишь элементарные катехизические курсы, которые иногда назывались «Катехизис», иногда — «Богословие» и не выходили за рамки гимназической программы. Скачок в преподавании богословия в МГУ и других университетах связан с личностью Московского святителя Филарета (Дроздова). При нем два ведущих профессора и, соответственно, настоятеля домового храма мученицы Татианы были поставлены на кафедру богословия в МГУ: протоиерей Петр Матвеевич

Терновский и протоиерей Николай Александрович Сергиевский. В 1892 году кафедру богословия и настоятельство им наследовал протоиерей Николай Александрович Елеонский, закончивший Московскую духовную академию в 1867 году — в год кончины святителя Филарета, а с 1910 и вплоть до закрытия храма в 1918 году на этом поприще подвизался протоиерей Николай Иванович Боголюбский. Что это были за личности? Во-первых, все они были выпускниками Московской духовной академии. Трое из них (о Боголюбском не получится сказать так положительно, поскольку после революции он оказался в обновленческом расколе) — были выдающимися людьми.

Непомерная ноша профессора богословия

Протоиерей Петр Терновский был первым представителем белого духовенства, защитившим докторскую диссертацию. Его труд «Богословие догматическое», на основании которого он и читал курс в МГУ, стал широко использоваться для преподавания догматического богословия вне стен духовной школы. Защита диссертации происходила в 1837 году в Московской духовной академии, в том же году состоялось освящение храма мученицы Татианы, и Терновский был возведен в сан протоиерея. Отец Петр преподавал в Московском университете с 1827 по 1858 год, и представьте себе,

что это было за преподавание! Профессор богословия должен был вести догматическое и нравственное богословие у всех вообще первокурсников Московского университета, он должен был преподавать общую церковную историю и историю Русской Церкви на историко-филологическом факультете, право — на юридическом факультете. Кроме того, после печальных событий 1850 года, когда было запрещено преподавание философии светскими профессорами, целое десятилетие профессор богословия был обязан также читать курсы логики и психологии. Преподавание всех этих предметов было вменено в обязанность одному человеку, не имевшему ни адъюнктов, ни приват-доцентов, ни кафедры как таковой, ни возможности вести научную работу. В такой ситуации поддерживать высокий уровень преподавания было, конечно, очень трудно. Характерно, что и Терновский, и его преемники по кафедре сами понимали аномальность такого положения дел в Университете. Они были среди первых и наиболее инициативных лиц, которые добивались разъединения кафедр и активно настаивали на отъятии от богословия в Императорском московском университете охранительной роли. Сейчас нам очень важно помнить, что преподаватели богословия всегда решительно противодействовали инструментальному использованию религии в стенах Московского университета.

Апология истинного христианства

С концом николаевской эпохи произошла и смена профессора, выдающегося богослова протоиерея Петра Терновского на университетской богословской кафедре сменил еще более яркий деятель — протоиерей Николай Сергиевский. О нем мы знаем, что помимо преподавания в Университете он явился вместе с двумя московскими протоиереями: Петром Алексеевичем Преображенским и Григорием Петровичем Смирновым-Платоновым — создателем наиболее глубокого, интересного и, пожалуй, самого влиятельного православного журнала второй половины XIX столетия — «Православного обозрения».

На страницах этого журнала были опубликованы предложения Сергиевского по преобразованию преподавания богословия в российских университетах. Эти предложения появились после того, как весной 1865 года вместе с министром просвещения графом Дмитрием Толстым они объехали многие российские университеты и встретились там с профессорами богословия. Именно тогда были созданы самостоятельные церковно-исторические кафедры, кафедры церковного законодательства, изменился и характер преподавания богословия: из систематической догматики оно превратилось в апологетическое богословие. И сам Сергиевский, и все его преемники по кафедре,

видя университетскую среду значительно враждебной или, по крайней мере, не симпатизирующей самому факту присутствия богословия, преподавали христианство апологетически, а Священное Писание — как научную экзегезу.

Стоит отметить, что авторитет отца Николая Сергиевского в Университете был весьма велик. Когда в 1861 году его проповедь о значении веры в человечестве, произнесенная в храме мученицы Татианы на престольный праздник, подверглась инсинуационной критике в журнале «Домашняя беседа», то корпорация Университета выступила в защиту своего профессора: ректор А. А. Альфонский, такие ученые как Ф. И. Буслаев, М. Н. Катков, Н. С. Тихонравов подписали обращение в защиту своего преподавателя, профессора богословия.

Усмирение крайних порывов

Понимая недостаточность обязательного курса богословия, отец Николай Сергиевский положил начало традиции публичных лекций по богословию в Университете. Наиболее интересным был его философско-апологетический курс «Об основных истинах христианства» и курс естественной апологетики «О библейской истории и творении мира».

Очень интересна мысль Сергиевского, высказанная им в журнале «Православное обозрение» вскоре после вступления на кафедру:

«Мы убеждены, что учебные заведения, преимущественно высшие, тогда только будут достигать своей настоящей цели, когда в них будет иметь место прежде всего и главным образом наука. А наука, в свою очередь, только тогда может приносить добрые плоды для общественной жизни, когда преподавание в духе и направлении определяется живым сознанием ее собственных прав и самостоятельности, а не сторонними какими-либо практическими целями и соображениями. Таким образом, наша мысль не сходится с чаяниями и стремлениями тех людей, которые через усиление религиозно-нравственного элемента в общественном воспитании думают достигать именно цели внешнего общественного порядка и расширение богословского курса в университетах полагают полезной мерой для смягчения крайних порывов молодого учащегося поколения. С подобными чаяниями и стремлениями нужно покончить однажды и навсегда. Если в настоящее время, когда общественное сознание слишком сбивчиво и смутно представляет себе цель образования, внимание молодого поколения слишком чутко и настроенно к духу мер, принимаемых относительно наших университетов, если в настоящее время в университетах расширить преподавание богословских предметов в тех видах, что через это будет лучше достигаться цель общественного порядка, то это значит надолго — если не навсегда — подорвать

Фото С. Титова

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, ректор МГУ В. А. Садовничий и настоятель домового храма мученицы Татианы при МГУ протоиерей Максим Козлов

10

значение богословской науки в мнении молодого учащегося поколения и в мнении всего образованного общества. Итак, повторяем, со всеми подобными чаяниями и суждениями надо покончить однажды и навсегда, иначе последнее зло будет горше первого».

Эта мысль Сергиевского актуальна и в наше время не только в связи с преподаванием богословия. Осмысление религии как инструмента, с помощью которого можно поддерживать общественную нравственность, решать общественные конфликты, заниматься тем или иным государственным устройством, всегда вело к результатам, противоположным тем целям, которые ставились. Это очень важно иметь в виду как государственным деятелям, так и людям церковным. Например, мнение о том, что нужно поддерживать православную семью, поскольку в ней рождается больше детей, звучит как такого же рода инструментальное осмысление религиозного института. Оно в данном случае не совпадает с позицией наших предшественников по кафедре.

Протоиерей Николай Александрович Елеонский продолжал ту же самую традицию. Он был специалистом по библейскому богословию и в Университете стал председателем отделения Педагогического общества и создателем университетского Педагогического музея, где развивал раздел богословских дисциплин и библейской географии, в которой был очень крупным специалистом.

Как отец Николай Елеонский, так и последний дореволюционный настоятель Татианинского храма

протоиерей Николай Иванович Боголюбский продолжал проводить публичные чтения. В 1913 году вышел курс лекций «Богословие в апологетических чтениях», в котором Боголюбский критиковал господствовавшие тогда материализм и рационализм, но делал это сухо и сходу, редко обращаясь к святоотеческому наследию.

Заветы предшественников

Представляется, что заветами преподавателей богословия XIX века по отношению к нынешним реалиям было бы не создание богословского факультета в государственном университете, а развитие соответствующих специализаций на имеющих место факультетах, создание кафедр церковной истории: общей и русской — на историческом факультете, кафедры церковного права — на юридическом. Знание церковного права необходимо людям, которые будут заниматься исследованиями в области церковно-государственных отношений. Позитивным примером является создание кафедры византистики на филологическом факультете, но столь же естественно было бы расширение кафедры древнерусской литературы в область церковной словесности, а также создание иных соответствующих специализаций. Ту роль, которую в XIX веке исполняла кафедра богословия, в нынешней действительности могли бы исполнять публичные чтения — именно к этой форме тяготели преподаватели богословия в XIX — начале XX века.

Зачем науке Церковь?

Мысли вслух

Возрождение в светской среде интереса к Церкви и ее вероучению находит свою реализацию в создании теологических кафедр и факультетов. Различные грани этого процесса мы попросили осветить преподавателей богословских и светских высших школ.

Протоиерей Валентин Асмус,
доцент Московской духовной академии

В отличие от религиоведения, которое является вполне объективной наукой, внешне описывающей различные религии, теология не может быть внеконфессиональной. Не бывает «теологии вообще»: она либо православная, либо католическая, либо протестантская, либо исламская, либо иудейская и так далее. Религиозные организации не могут быть равнодушны к тому, как преподается их учение, и, с одной стороны, они имеют право, а с другой стороны — обязанность руководить этим процессом. Даже на современном либеральнейшем Западе Католическая Церковь настаивает на своем праве руководить католическим теологическим образованием. Папа Иоанн Павел II своими указами отстранил от преподавания теологических дисциплин целый ряд католических теологов, обнаруживших, с католической точки зрения, неправомыслие, и такое стремление Католической Церкви к контролю над теологическим образованием, в общем-то, совершенно естественно.

Впрочем, история знает случаи создания межконфессиональных теологических учебных заведений. Например, в Варшаве существует Христианская академия, где представлены три христианские конфессии: православие, старокатоличество и лютеранство, — каждая на отдельном факультете. В общем порядке все слушатели Христианской академии изучают только вспомогательные дисциплины вроде греческого и латинского языков. Даже церковная история, я считаю, может быть только конфессиональной. Преподавание

церковной истории в рамках религиоведения, а значит лишь в аспекте внешних событий, не будет удовлетворительным с точки зрения теологического образования ни для одной из конфессий. Религиоведу, ставящему себя вне конфессий, недоступны очень важные движущие мотивы и внутренние причины церковной истории.

Религиоведение, конечно, нужная дисциплина, и даже курсы научного атеизма приносили некоторую пользу, поскольку включали в себя элементы религиоведения. Однако теологическое образование может быть только конфессиональным, и как таковое оно должно быть под наблюдением соответствующих религиозных организаций.

Протоиерей Владислав Цыпин,
профессор Московской духовной академии

Присутствие в вузе кафедры теологии как общеобразовательной — это совершенно нормально. Для России вполне традиционно присутствие богословского образования в университете: и лекции по богословию читались, и церковные предметы, связанные с профильными, преподавались, — например, церковное право на юридическом факультете. Другое дело, что у нас не было традиции богословских факультетов: когда формировались богословские школы, еще не было университетов, да и позже было решено готовить священников в специальных духовных школах.

Если же говорить о современной ситуации, то понятно, что никакой факультет не может ставить перед собой в качестве основной задачи подготовку высококвалифицированных ученых,

факультет в первую очередь всегда готовит практиков: инженеров, учителей, врачей... Точно так же и теологический факультет должен готовить не богословов-ученых, а практиков — преподавателей основ религии в школе, как бы ни назывался этот предмет: «Основы православной культуры» или как-то иначе. Конечно, если выпускник такого факультета имеет пастырское призвание, то его образования должно быть достаточно для рукоположения. Кроме того, если он всерьез занимается богословскими науками, то он может стать церковным ученым и преподавать в семинарии или академии.

*Владимир Романович Легойда,
заместитель декана факультета
международной журналистики
МГИМО (У) МИД России*

Становление теологических кафедр и факультетов — это, безусловно, длительный процесс. Ситуация, в которой мы сейчас находимся, — новая, нам почти не на что опереться. Западный опыт кафедр теологии для нас малоприменим, отечественного мало, да и ситуация по сравнению с дореволюционной сильно изменилась. И в первую очередь предстоит четко разграничить сферы компетенции кафедр теологии и кафедр религиоведения, как на уровне логики, так и на уровне практики. Откуда брать преподавателям, как писать учебники? Впрочем, и преподаватели приходят, и учебники по теологии я уже видел неплохие — там действительно размежевываются религиоведение и богословие, много уделяется внимания вопросам, которые при религиоведческом подходе могут быть обозначены лишь конспективно, неглубоко.

У нас в течение семи десятков лет религия была недооцененным фактом культуры. Если посмотреть на историю, то можно увидеть, что именно из религиозного познания выделились познание философское, научное, художественный способ миропостижения и так далее. Будучи матерью всех этих форм культуры, религия играла огромную роль для генезиса каждой из них в отдельности и существенно влияет на их взаимодействие в современном мире. В силу известных идеологических причин роль религии принижалась как в истории, так и в современности. Сейчас же, как мне кажется, введение теологии в академический дискурс, появление теологических кафедр поднимает статус, меняет отношение к предмету исследования, дает более качественное понимание того, что такое религия сама по себе и какова ее роль в культуре.

В жизнь современного человека, даже далекого от веры, религия вливается все сильнее как социально значимый фактор, а не просто как личное устремление к Богу. Поэтому религиозная грамот-

ность сегодня перестала быть фактом рафинированного образования, она уже необходима для ценностной безопасности общества.

Что же касается роли Церкви, то мне кажется достаточно очевидным, что в религиозном образовании в России Православие не может не играть первой скрипки просто потому, что такова ситуация: и историческая, и логическая, и фактическая, — таково место Православия в современной религиозной мозаике.

*Александр Иванович Кырлежев,
преподаватель кафедры религиоведения
Российской академии
государственной службы
при Президенте РФ*

Целый ряд дисциплин, преподаваемых в духовной школе, по всем критериям соответствует современному пониманию гуманитарных наук, и по методологии, и по парадигме: каноническое право, библистика, патрология и все исторические дисциплины.

Немного сложнее с догматическим богословием — является ли оно наукой? Богословие, как и философия, — это не наука в собственном смысле слова. И в философии, и в богословии полагаются некоторые смыслы, делаются определенные утверждения. Даже если ученый работает в какой-то традиции, даже если он опирается на авторитеты, его утверждения — это не исследования фактов, а его собственные заявления. Отличие от философии в том, что богословие — церковно. Оно излагается не от лица индивидуума, но от лица Церкви, оно апеллирует к традиции, к соборному авторитету. Богословие, с одной стороны, интерпретирует вероучение, с другой стороны, касается таких вопросов, на которые нет ответа в депозитарии веры.

В истории идей Арий может стоять наравне со святителем Афанасием Великим, но когда в светском университете преподается знание о церковном вероучении, то это уже системное представление: вот Церковь, которая сейчас существует, а вот ее вероучение. Поэтому интерпретация в вузе должна быть именно церковная, и здесь Церковь вправе и обязана контролировать, насколько адекватно преподается церковное вероучение.

Лекции по богословию в светской аудитории отличаются от аналогичных в духовной школе не по содержанию, а в первую очередь по модусу. Для светских студентов это будет не наука, а информация, свидетельство, не более того. Только изнутри Церкви можно воспринимать это намного глубже.

*Материал подготовил Петр Королев,
5 курс МДС*

На пути к схоластике

Из жизни первых университетов

Университеты. Весьма привычно слышать, что эти феномены-символы Европейской науки возникли в результате освобождения средневековой системы образования от диктатуры церковного контроля. Раньше, мол, школы были только при монастырях, где учили на память Часослов и Псалтирь, переписывали книги — вот и вся наука. А потом появились светские университеты — в них уже и учились как следует, и науку двигали без оглядки на всякие там авторитеты — словом, свобода!

Мозаика Европы

Мало кто задумывается, что университеты были совершенно естественным и закономерным явлением жизни европейского Средневековья. Никто не устраивал их по заграничному образцу, как это было в России. Вырастая из тысяч предпосылок и исторических случайностей, они оказались живо связаны с тем обществом, в котором возникли. Христианство же было неким конституирующим принципом, который объединял народы европейского континента. Церковь да еще некоторые вос-

поминания о римском государстве — вот, пожалуй, и все, что было общего у тех, кто жил на территории к западу от татарского ханства и к северу от арабского халифата.

В то далекое время связь Церкви и образования была столь очевидной, что первые университеты, почти целиком составленные из клириков, современники воспринимали не иначе как церковные организации. Магистры и студенты носили тонзуру как внешнее свидетельство принадлежности клиру и были подсудны лишь епископскому суду — немаловажная привилегия, которая наряду с экономической поддержкой сделала жизнеспособными новые и еще хрупкие образовательные структуры.

Безвизовый режим

Действительно, представим себе положение студента-школяра (*scolaris*) середины XIII века. Для обучения и даже просто для проживания в чужом городе, а часто и в чужой стране, требовались не только немалые деньги, но и минимальная правовая защищенность. На стороне горожан были и

законы, и профессиональная взаимоподдержка — гильдии. Очень небольшая часть городского населения не умещалась в рамки профессиональных союзов: кроме студентов, своей гильдии не имели, пожалуй, только странствующие лудильщики.

Положение же иностранцев было и вовсе неопределенным. С одной стороны, в средневековой Европе не было виз и человек имел полную свободу передвижения, но, с другой, никто не гарантировал ни личную, ни материальную безопасность на чужбине. Из-за разбойников, постоянных феодальных войн и неустроенности дорог путешествие в другую страну воспринималось как неприятное и опасное приключение.

Церковное «подданство» университетов открывало совершенно иные перспективы. Католическая Церковь была единственным подлинно интернациональным европейским институтом того времени. В любом городе Италии, Франции, Германии

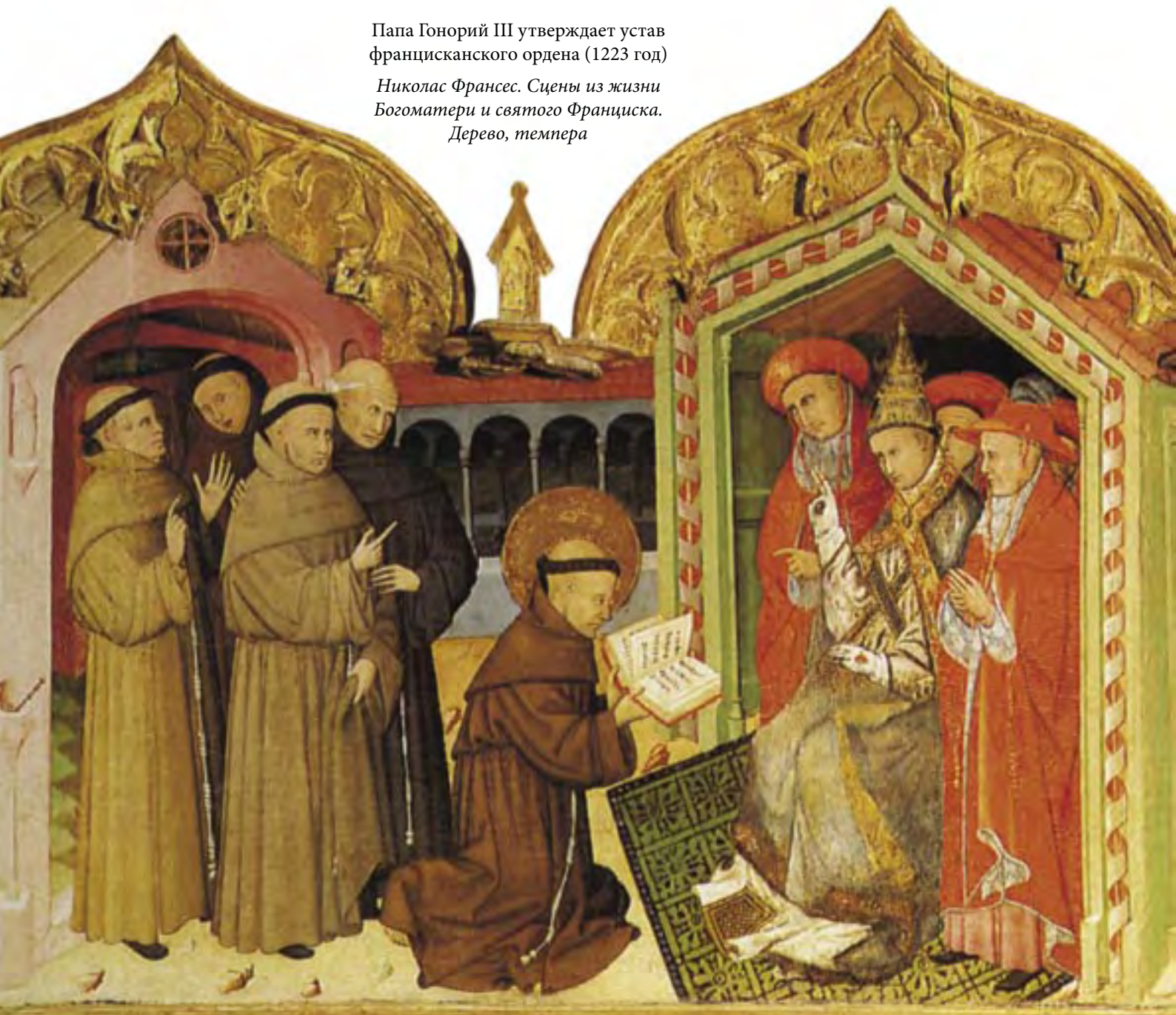
или Англии клирики оставались под покровительством Церкви и пользовались теми же привилегиями, что и у себя на родине. Характерный пример мы находим в летописи Парижского университета: одно из первых дошедших до нас событий его истории произошло в 1192 году. Студенты затеяли ссору с крестьянами аббатства Сен-Жермен-де-Пре, и в завязавшей потасовке один студент был убит. Убийство клирика мирянами не могло остаться безнаказанным. Студенты жалуются в Рим. Сильно скомпрометированному аббату Сен-Жермен-де-Пре пришлось доказывать свою непричастность к этому происшествию перед епископом Реймским и собравшимся университетом.

Ремесленники и философы

История первых университетов — это во многом история интеллектуальной элиты Западной церкви

Папа Гонорий III утверждает устав францисканского ордена (1223 год)

Николас Франсес. Сцены из жизни Богородицы и святого Франциска. Дерево, темпера

высокого средневековья. Уже в конце XII — начале XIII веков значительную часть епископата и привилегированного духовенства составляли выпускники больших школ (*studium generale*), постепенно оформлявшихся в университеты. Многие папы того времени не понаслышке знают о студенческой жизни — кто учился, а кто и преподавал в университетах. Впрочем, спрос на дипломированных ученых одновременно увеличивается как при дворе, где особенно нуждаются в юристах, так и в городах, где новые условия жизни делают востребованными ученых медиков.

Поэтому неудивительно, что возникающие ученые сообщества несут на себе отпечаток исторических перипетий того времени. Взаимоотношения папства в апогее его могущества с крепнущей национальной светской властью; споры традиционной церковной иерархии, еще не полностью перестроившейся под новые католические реалии, и «нищенствующих» орденов; сосуществование практичных ремесленников и монахов-философов в узких переулках каменных бургов — все это, многократно отражаясь, до сих пор окрашивает фон современной культуры.

Можно еще много говорить о принципах и предпосылках возникновения высших школ, но никакая схема не донесет так ясно и отчетливо смысл событий, как их исторический контекст, проявляющийся в деталях и поступках. — Предвзятые построения и надуманные гипотезы отпадают сами собой. Итак, вместо дальнейшего теоретизирования, ознакомимся чуть поближе с действующими лицами разворачивающейся драмы.

Пионеры

XII–XIII век. После долгой череды варварских нашествий в Европе устанавливается относительное затишье. Прекращаются набеги викингов, венгры переходят на оседлый образ жизни, мусульмане, иудеи и христиане уживаются довольно мирно, христианство все больше распространяется среди славянских и скандинавских племен.

Политическая стабильность вкупе с заметным повышением эффективности сельского хозяйства приводит к росту численности населения, развиваются города, способные теперь кроме постоянных жителей вместить еще и динамическую студенческую популяцию.

Первые университетские города: Болонья, Париж и Оксфорд — очень своеобразны и непохожи друг на друга. Болонья, находясь на стыке папских и императорских полномочий, стала центром юриспруденции. Парижский университет получил самую полную структуру среди своих сверстников. Первая ступень — факультет свободных искусств, далее — специализированные факультеты: теологический (наиболее значитель-

ный), медицинский и юридический. Оксфорд замечателен своим изолированным островным положением — студентов-иностранцев в нем было мало. Кроме того, маленький город не был ни резиденцией королей, ни местом епископской кафедры, и университет довольно быстро приобрел доминирующее значение, превратив Оксфорд в город-университет.

Король и его вассалы

Даже самое приблизительное описание социального ландшафта средневековья едва ли возможно без упоминания о феодальных отношениях. В постоянных внутренних и внешних войнах формируется особый тип общества: каждый его член — чей-то господин и чей-то вассал. Король — вассал Господа Бога, бароны, графы и епископы — вассалы короля, и так — вплоть до последнего крестьянина. Господин обеспечивает военную безопасность своих подопечных, которые платят работой, воинской службой или же деньгами. Система замечательно работает в военное время, когда за безопасность люди готовы отдать многое, но в мирное начинает давать сбой: с чего вдруг платить подать барону, который всю жизнь проводит в междоусобных войнах, турнирах, охотах, а часто и грабежах?

Папа и его епископы

Папское могущество достигает высшей точки. После взятия крестоносцами Константинополя кажется, что власть римского первосвященника скоро охватит весь христианский мир — лишь отдельные княжества на окраинах ойкумены оказывают (не всегда последовательное) сопротивление. Папская централизация Католической Церкви все более искажает традиционный смысл епископства: папы, через легатов или напрямую, вмешиваются в большие и малые события церковной жизни по всей Европе, далеко не всегда считаясь с местными епископами. В Риме принимают решения о статусе высших школ, количестве штатных преподавателей в них и содержании лекций. В 1229 году Гонорий III под угрозой отлучения запретил проводить и посещать занятия по гражданскому праву в Парижском университете.

Впрочем, возвышению папства немало способствовало и плачевное состояние епископата, и особенно приходских священников к началу XIII века. Наиболее яркая черта облика духовенства того времени — это светско-церковный характер его власти. Священник был в своей церкви, почти столь же независим, как и знатный владетель соседнего замка. Епископ же — не только первосвященник, но и крупный феодал, преодоление вассальной зависимости от которого было одной

из первых задач возникающих университетов. И несмотря на то, что со временем появляется все больше начитанных и просвещенных архиереев, рыцарские обычаи все еще дают о себе знать.

Робер I, епископ Клермонский, и Ги II, граф Овернский, два брата, открыто боролись в течение восемнадцати лет, с 1197 по 1215 год — борьба, во время которой граф находился под анафемой, а епископ — в темнице. Нельзя не признать, что если граф Овернский и был разбойником, то и в епископе Клермонском не было ровным счетом ничего от миротворца, мягкого и по-христиански терпимого. Окопавшись в своих мощных замках Лезу и Мозен, он тоже жил как главарь шайки. В 1198 году граф пишет папе Иннокентию III, моля его о заступничестве. Это покровительство он покупает наперед, отдавая римской Церкви замок Уссон, только что им возведенный:

«Молю Вас защитить меня от моего брата Робера, епископа Клермонского. С бандами наемников и баронов он с полным презрением всяческого права опустошает мою землю, принося на нее пожары, убийства и разбой. Припадаю к стопам Вашего Святейшества и умоляю Вас велеть прекратить эти насилия и аннулировать приговор об отлучении, который он, кроме всего прочего, наложил на мою землю».

Школяры

Обучение в больших школах может начинаться в 15 лет. Обычно первой заботой юноши, приехавшего в университетский город, было найти себе ученого наставника. Ответственность профессора за своих учеников не ограничивалась программой обучения, она охватывала все стороны жизни. Студентам, не приписанным ни к каким преподавателям, проживание в городе вообще запрещалось. Предосторожность вовсе не лишняя, учитывая не слишком благочестивые нравы бродячего студенчества.

Отзывы современников рисуют нам школяра, бегущего ночью по улицам Парижа, вышибающего двери горожан и наполняющего залы суда шумом скандалов. Сохранилась реплика французского короля Филиппа Августа: «Студенты похрабрее рыцарей, вооруженные рыцари колеблются начинать борьбу, клирики же, у коих нет ни кольчуги, ни шлема, а лишь тонзура на голове, бросаются друг на друга, играя ножом — великое безрассудство с их стороны и великая опасность!»

За формальным внесением новичка в списки учащихся следовала церемония «посвящения в студенты». Ритуальная сторона обычно сводилась к пирушке за счет поступившего, на которой ему приходилось еще и терпеть от своих товарищей

розыгрыши и шутки самого неприятного характера. Интересно, что этот обычай имеет солидную историю. Так, в предисловии к юстиниановским Дигестам студентам-юристам старших курсов запрещается разыгрывать вновь поступивших. Запреты и ограничения, касающиеся первых дней студенческой жизни, издаются время от времени на протяжении всей истории университетов, — вот косвенное свидетельство наличия проблем и злоупотреблений.

Плата за обучение, за жилье, за книги, за посвящение в студенты... Студенческая жизнь, особенно в первые месяцы учебы, требовала немалых материальных затрат. Каждый выкручивался как мог: кого поддерживал приход или монастырь, клириком которого ему посчастливилось быть, а кому приходилось и просить подаяния (принадлежность клиру позволяла жить милостыней), многим помогали родители. Главной темой большинства сохранившихся студенческих писем XIII века были просьбы о родительском вспомоществовании. Вот что пишут домой два орлеанских студента:

«Нашим дорогим и почитаемым родителям с сыновним приветом и почтением. Извольте знать, что, благодаря Богу, мы пребываем в добром здравии в городе Орлеане и посвящаем себя полностью учебе, памятуя, что Катон сказал: „Весьма похвально кое-что знать“. Мы живем в добром и красивом доме, отделенном от школы и рынка одной стеной, так что можем ежедневно посещать занятия, не промолив ног. У нас также хорошие товарищи, уже преуспевшие в науках и весьма достойные во всех отношениях. Мы этому весьма рады, ибо псалмопевец говорит: *sit sancto sanctus eris* (Пс. 17:26). Но, дабы нехватка средств не поставила под угрозу результаты, на которые мы рассчитываем, мы полагаем, что должны воззвать к вашей отеческой нежности и просить вас прислать нам с подателем сего немного денег, чтобы купить пергамента, чернил, чернильницу и прочие нужные нам предметы. Вы не оставите нас в затруднительном положении и постараетесь, чтобы мы достойно завершили наше обучение, дабы иметь возможность с честью возвратиться в свой край. Податель сего может также забрать башмаки и штаны, которые вы собирались нам послать. А вы бы смогли сообщить нам таким путем свои новости».

Кто кого?

Как это часто бывает в истории великих свершений, созидатели и труженики первых университетов не осознавали важности момента и не думали об исторической перспективе. Студентов и пре-

подавателей больше волновали практические вопросы повседневности: величина квартирной платы (этой теме посвящались и специальные королевские указы, и папские буллы), правовая защищенность, защита от епископских интердиктов (щедрая раздача отлучений, часто по незначительным поводам — характерная черта средневекового католицизма).

Само слово «университет» (*universitas*) означало просто «объединение». *Universitas magistrorum et scholarium* (объединение учащихся и учащихся) — так называет кардинал Робер де Курсон Парижский университет в акте 1215 года, едва ли придавая этому слову значение специального термина. Лишь в суровой борьбе за независимость от городских властей, от местного епископа, от нищенствующих орденов, от римских первосвященников постепенно выковывалось университетское самосознание. Впрочем, корпоративная солидарность была одним из фундаментальных принципов и, пожалуй, единственным способом обороны новых научных центров. Наиболее радикальным средством были массовые исходы студентов и преподавателей из города; такие исходы случались не так уж редко и послужили причинами к основанию Кембриджского (профессора, ушедшие из Оксфорда) и Падуанского (болонские профессора) университетов. Но даже временное прекращение занятий было весьма серьезным оружием. Дело, приведшее к такому результату, выглядело почти оскорблением религии: значение университета как источника пополнения рядов духовенства было таково, что прекращение занятий было равноценно внезапной приостановке всей церковной жизни страны.

Насколько дорожили университетами и церковные, и светские власти, показывает следующая история, ознаменовавшая окончательную победу Оксфордского университета в борьбе с городом. 10 февраля 1355 года, в день святой Схоластики несколько студентов, найдя неудовлетворительным качество вина в местном погребе, начали швырять бутылками и стаканами в хозяина заведения. Друзья пострадавшего ударили в набатный колокол церкви святого Мартина. По всему городу начались беспорядки и стычки горожан со студентами, продолжавшиеся три дня. Многие здания колледжей и общежитий были разрушены. Большинство студентов покинуло город. В ответ на поданную жалобу король и духовные власти начали расследование. На Оксфорд был наложен годовой интердикт — на время работы следствия. В результате последовавших санкций большая часть экономики города попала под контроль университета, который получил также правовую автономия. Кроме единовременного штрафа город-

Признаком принадлежности к клиру была тонзура — выбритое место на макушке.

ские власти были обязаны ежегодно платить университету определенную сумму денег, что и делали исправно до 1825 (!) года.

Нищенствующие штрейкбрехеры

Возникнув в начале XIII века, нищенствующие ордена с удивительной быстротой (свидетельствующей о востребованности нового движения) распространились по всей Европе — уже в 20-х годах о них говорят и во Франции, и в Англии, и даже в Дании. Но прежде всего они появлялись именно в университетских городах, что, впрочем, вполне естественно: и францисканцы, и, в особенности, доминиканцы придавали образованию как орудию миссионера первостепенное значение. На первых порах монахов-проповедников принимали в больших школах очень охотно — они выгодно отличались от забитого, погрязшего в мирских заботах приходского духовенства феодальной эпохи, и были, казалось, идеально приспособлены для пастырства в мире науки. Отсутствие собственности и приходских забот, а также независимость от местных властей (церковных и светских) делало их мобильными и готовыми для любых заданий, а хорошее образование и живой интерес к науке позволяли находить общие интересы с ученым сообществом. Кроме того, и университеты, и нищенствующие ордена находились на тот момент

в непосредственном подчинении папе, были проводниками папского влияния.

К 1231 году среди профессоров богословия Парижского университета были и доминиканцы, и францисканцы. Но в это же время начинают проявляться и разногласия орденов со светскими профессорами. Во время большой забастовки 1229–1231 годов, когда, вопреки папским указам, профессора отказались вернуться в Париж до полного удовлетворения их требований, нищенствующие монахи отказались солидаризироваться с университетской корпорацией и продолжили преподавание. Впрочем, в активную фазу конфликт вступил только в 1253–1254 годах. К этому моменту из пятнадцати профессоров богословия членами орденов были девять. После того, как в очередной стычке студентов с полицией один из школяров был убит, корпорация приняла решение о прекращении занятий. Однако ордена снова остались в стороне и занятия продолжили — согласованной акции не получилось. Было очевидно, что университет теряет свое главное оружие, и если усиление позиций орденов продолжится, независимость корпорации станет иллюзорной.

Римоцентризм

Лидером партии светских профессоров стал ректор Вильгельм (Гийом) де Сент Амур. В памфлете «Tractatus de periculis novissimorum temporum» (Трактат об опасностях новейшего времени) он проводит принципиальную критику нищенствующих орденов, указывая на несоответствие орденской независимости от епископата канонической системе церковной власти. Отчасти это было и неявной критикой папства, поскольку ордена опирались именно на папский авторитет. Однако было уже поздно: римоцентричность Западной Церкви укоренилась уже настолько, что сил университета, пусть даже такого влиятельного и консолидированного, как Парижский, было явно недостаточно, чтобы переломить тенденцию. Тем более, что нищенствующие ордена переживали период расцвета — францисканские миссионеры уже добрались до Забайкалья, инквизиция уже состояла в ведении нищих монахов, в науке они были представлены такими

величинами как Альберт Великий и Фома Аквинский (доминиканцы), Александр Гальский и Бонавентура (францисканцы). Одним словом, расклад сил был не в пользу светских магистров и, потратив значительные усилия и суммы денег, профессора смирились.

Чтобы понять, насколько велика была роль орденов в дальнейшей жизни университетов, достаточно взглянуть на следующие цифры. Среди 192 магистров богословия, окончивших Парижский университет в период с 1373 по 1398 год (таким образом, в среднем в год защищалось около восьми человек) 102 принадлежали к нищенствующим орденам, 17 были бенедиктинцами и только 47 были из «белого» духовенства.

Эпилог

Первые университеты вырастали из совершенно особого сочетания исторических предпосылок: развитие городов и гильдий, централизация светской и духовной власти, влияние арабской и иудейской культур, рецепция европейцами античной мысли в арабском изводе, — изменение любого из этих факторов привело бы к значительной деформации высших школ. Однако принадлежность университетов Церкви была тем началом, тем эпитафием и девизом, которому они обязаны своим символическим именем (*universitas*). Именно от Церкви получила школа возвышенный универсализм.

Впрочем, нельзя не видеть, что церковность университетов была существенно католической церковностью, и в этом смысле университеты были плодами папской централизации. Как исторические университеты, пробиваясь на свободу, во многом опирались на папскую власть и таким образом оказались спаяны с нищенствующими орденами, так и в истории мысли первоначально свободная и свежая схоластика (школьность) вскоре попала во все более неуютные рамки средневекового католицизма.

Николай Солодов,
4 курс МДС

Уроки богословия

Кафедра теологии МИИТа

В феврале 2002 года на базе Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) была создана кафедра теологии. Это одна из первых попыток преподавания богословских дисциплин в светском вузе, которая для многих казалась неоправданной. В самом деле, государственный вуз и непрофильная кафедра, студенты-технари и столь далекие от их специализации церковные дисциплины — возможно ли успешное сочетание таких противоположностей? С такими вопросами мы обратились к заместителю заведующего кафедрой теологии, доктору технических наук, профессору Ирине Васильевне Сергеевой.

Ирина Васильевна, когда впервые появилась идея создания кафедры теологии в МИИТе? Какие события, на Ваш взгляд, стали главными причинами для этого?

Наверное, начиная рассказ об истории создания кафедры, стоит вспомнить об организованной в октябре 1995 года беседе священника Артемия Владимирова с нашими учащимися. Она проводилась в актовом зале третьего учебного корпуса и была посвящена десяти заповедям. Сразу несколько сотен студентов для этого сняли с занятий, естественно, с разрешения и во многом даже по инициативе нашего руководства. Студенческая аудитория очень живо отреагировала на тему беседы, засыпав отца Артемия вопросами.

По окончании лекции батюшка разговорился с сопровождавшими студентов преподавателями и, помимо всего прочего, поинтересовался, не в стенах ли бывшего домового храма читал он свою лекцию — крыша в актовом зале сделана в форме купола. Когда же он узнал, что бывшее помещение храма находится в другом корпусе, то как-то очень просто сказал: «Сейчас у вас храма нет, но через годик постарайтесь восстановить!» А через год, то есть в 1996 году, МИИТ должен был праздновать

свой столетний юбилей. Конечно, о восстановлении храма в столь короткие сроки не могло быть и речи — для этого надо было бы практически все ломать и потом перестраивать заново. Однако первый камешек был заложен.

Юбилейный 1996 год ознаменовался для нашего вуза еще одним значимым событием: преподаватели кафедры социально-политической истории стали читать первокурсникам, обучавшимся на разных специальностях, курс «Роль Русской Православной Церкви в истории России». Новый спецкурс был рассчитан на 72 академических часа и посвящен различным темам: от появления христианства на Руси до современного состояния российского общества и Церкви. Надо отметить, что к проведению занятий по этому курсу заведующий кафедрой целенаправленно старался привлечь верующих, воцерковленных людей. Ведь одной из главных задач спецкурса было не только дать ребятам необходимый фактический материал, но и найти определенный отклик в их сердцах, помочь задуматься о Боге, о Церкви и вере.

Непосредственному же созданию кафедры теологии в том виде, в каком она существует сегодня, предшествовал достаточно продолжительный период набирания сил и опыта. В вузе сформировалась православная община, благодаря которой стала возможна организация библиотеки религиозно-нравственной литературы, чтение лекций преподавателями МИИТа с разъяснением нравственных норм в жизни человека, встречи православных священников со студентами, работа студенческих строительных отрядов по восстановлению монастырей и храмов Русской Церкви, издание (в качестве приложения к газете «Инженер транспорта») православной газеты.

И, конечно, очень приятно и радостно, что наш ректор Борис Алексеевич Лёвин и руководство МИИТа оказывали всяческую поддержку и

Важно не только преподавать фактический материал, но и найти отклик в сердцах, помочь задуматься о Боге, о Церкви, о вере.

20

помощь в наших действиях. Даже сама идея создания такой кафедры исходила от ректората.

А какую роль играл в жизни МИИТа митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев)? Ведь он пользовался огромным уважением у руководства и преподавателей, о нем и сейчас многие очень тепло отзываются, даже держат на рабочем столе его фотографию...

Подробный рассказ о владыке и о его постоянной помощи нам может стать темой отдельного разговора. Скажу лишь, что создание кафедры теологии произошло во многом и благодаря ему, ведь владыка Питирим был студентом нашего вуза. Он поступил в МИИТ в 1943 году и учился здесь на строительном факультете, а с третьего курса ушел в Богословский институт при Новодевичьем монастыре. В тот самый институт, который в 1947 году вместе с Богословско-пастырскими курсами был преобразован в Московскую духовную академию и семинарию. Однако владыка не забыл и свою первую alma mater: будучи митрополитом, он приезжал в МИИТ, выступал здесь с лекциями, организовывал различные культурно-просветительские мероприятия для сотрудников и учащихся. Именно владыка Питирим стал первым заведующим нашей кафедрой, взяв на себя бремя организации ее работы в то самое трудное время, каким всегда оказывается начальный этап. «Время моей земной жизни подходит к концу,—

говорил владыка в беседах с нами,— очень хочется успеть напоследок сделать что-нибудь хорошее и благое для МИИТа».

Расскажите немного, пожалуйста, о самой кафедре. Что, на ваш взгляд, отличает ее от других кафедр этого вуза?

В отличие от других кафедр МИИТа, нашей кафедрой заведует клирик Русской Православной Церкви. По благословению Его Святейшества, с 18 ноября 2004 года ответственность за руководство кафедрой теологии была возложена на архиепископа Орехово-Зуевского Алексия (Фролова).

Кроме того, свою специфику имеет и преподавательский состав. Сразу несколько сотрудников нашей кафедры одновременно являются и сотрудниками других, профильных кафедр вуза, на которых они читают лекции, ведут семинарские занятия, принимают зачеты и экзамены, готовят дипломников. Вместе с тем все наши преподаватели имеют и богословское образование, которое они получили либо в Свято-Тихоновском институте, либо на богословских курсах. У нас работают также и преподаватели из Николо-Угрешской семинарии.

Несколько слов надо сказать и об особенностях учебного процесса. Кафедра теологии не выпускающая, мы не можем проводить набор студентов для специализации и не готовим дипломные проекты, а только осуществляем чтение

лекций и проведение семинарских занятий. Они проводятся по семестровым курсам: «Культурно-религиозное наследие России» и «Роль Русской Православной Церкви в истории России». Эти предметы преподаются студентам в соответствии с конкретным учебным планом и поэтому могут проходиться на разных специальностях в разное время, в промежутке с первого по четвертый курс. Занятия по этим дисциплинам обязательны для студентов всех отделений, кроме юридического, экономического и гуманитарного. И родители многих ребят, обучающихся, например, на экономическом отделении, такой «исключительностью» очень недовольны.

А как сами ребята ведут себя на занятиях? Как они реагируют на преподавание подобных предметов?

Конечно, реакция самая разная, от очень доброжелательной до резко негативной, скептической. Порой на первых занятиях многие себе под нос бурчат: мол, зачем нам все это надо, мы — будущие технари, а не попы! Но потом как-то оттаивают, после занятий подходят со своими вопросами, делятся переживаниями, советуются. Когда мы рассказываем о святых, чьи имена носят наши студенты, то стараемся подарить каждому по небольшой бумажной иконочке: вот тут даже наши «махровые» атеисты оживляются, с интересом слушают, вопросы задают, у ребят как-то лица светлеют...

Как к вашим занятиям относятся представители других конфессий?

Не поверите — хорошо относятся! У нас в вузе очень много учится ребят из Кореи, они с большим интересом ходят на наши занятия и даже стараются ездить в поездки, которые организует кафедра. Есть, конечно, определенные языковые сложности, но и они преодолеваются. То же самое можно сказать и о ребятах-мусульманах. До сих пор помню студента-мусульманина, который сам, добровольно, отказался от зачета «автоматом», чтобы отвечать наравне со всеми, потому что ему хотелось еще побеседовать на эти темы. Гораздо сложнее с нашими русскими ребятами, зачастую крещенными в детстве, но при этом совсем неверующими...

Наличие в МИИТе своего домового храма позволяет проводить в нем целый ряд семинарских занятий: здесь и лекции, посвященные особенностям церковной архитектуры, и беседы по истории именно нашего храма. И об иконах мы стараемся беседы проводить там. Кроме того, дореволюционные особенности конструкции храма, сохраненные и при его недавней реставрации, дают возможности проводить здесь целый ряд культурно-просветительских мероприятий: алтарная часть отгораживается специальным занавесом, а остальное помещение используется как актовый зал.

Когда и как удалось восстановить домовый храм? Как часто совершаются богослужения?

В 1998 году руководство нашего вуза дало свое согласие и обещало материальную помощь в деле восстановления университетского храма. Поскольку дореволюционный храм носил имя в честь святителя Николая, этот угодник Божий стал почитаться как «профессиональный» покровитель железнодорожников. Начались поиски средств и научно-исследовательская работа по восстановлению первоначанного облика студенческой церкви. 22 декабря 1998 года, в день столетия со дня ее освящения был совершен первый за 68 лет молебен святителю Николаю. К 2000 году работы по росписи восстановленного храма вступили в свою завершающую стадию, а 26 апреля 2001 года Святейший Патриарх Алексий освятил его. Теперь богослужения здесь совершаются по двенадцатым праздникам, а каждый четверг служит молебен с акафистом святителю Николаю. Храм считается приписным к расположенному рядом Тихвинскому приходу, и духовенство к нам направляет благочинный, протоиерей Сергей Киселев. Прихожане университетского храма — это преподаватели и учащиеся, некоторые из них поют в хоре, пономарят.

Кафедра осуществляет работу со студентами и во внеучебное время?

Да, конечно. Более того, во многом благодаря владыке Питириму, эта работа осуществлялась и до создания нашей кафедры. Так, по его просьбе декан строительного факультета вместе с профсоюзной организацией студентов сформировали первый студенческий стройотряд для реставрационных работ в Иосифо-Волоцком монастыре. Ребята работали безвозмездно. В результате сейчас существует стройотряд, который каждые две недели выезжает на несколько дней помогать в монастыре — все это по личному желанию ребят. Летом 1998 года было сформировано уже два стройотряда: один из них работал в Иосифо-Волоцком монастыре, а второй — в Юрьевском монастыре Великого Новгорода. Отрадно, что число желающих попасть в такой «монастырский» стройотряд увеличивается с каждым годом.

Во внеучебное время мы организуем для студентов просмотр православных видеофильмов, работает кружок для желающих изучить основы церковного пения. Проводятся различные поездки, экскурсии, встречи с интересными людьми. На кафедре работает библиотека православной литературы, издается институтская православная газета «Николин день».

*Беседовала Елена Шутикова,
преподаватель МИИТа,
кандидат исторических наук*

*Святейший Патриарх Алексий
во время посещения Хабаровска в 2000 году*

Хабаровская духовная семинария — патриарший проект

Интервью с проректором новообразованной
Хабаровской духовной семинарии
иеромонахом Петром (Еремеевым)

22

Отец Петр, решение об открытии в Хабаровске семинарии было принято Священным Синодом 10 июня текущего года. Уже в августе состоялись вступительные экзамены и учебный год в семинарии стартовал без опозданий — 1 сентября. Начало настолько динамичное, что трудно вспомнить похожий пример в новейшей истории духовного образования.

Многое из того, что мы видим в жизни нашей Церкви в последние десятилетия, происходит впервые. Это обусловлено и той свободой, которую сегодня мы имеем, и расширением круга задач, стоящих перед Церковью в наши дни.

В истории открытия нашей семинарии эти неординарные моменты имеют особое значение. Так, предложение и обоснование идеи открытия

семинарии в Хабаровске на заседании Синода прозвучали из уст Святейшего Патриарха Алексия II, хотя обычно инициатива открытия семинарии всецело принадлежит правящему архиерею, который подает в Священный Синод соответствующее прошение, сопровождаемое отзывом Учебного комитета. В нашем случае, пожалуй, впервые за всю историю российского духовного образования семинария была открыта по непосредственному предложению Предстоятеля Церкви. Можно смело сказать, что Хабаровская духовная семинария — Патриарший проект. Конечно, это вдохновляет всех, кто трудится сегодня в нашем молодом учебном заведении.

Впрочем, семинария создавалась не на пустом месте. Несколько лет в Хабаровске действо-

вали пастырские курсы, сформировался круг духовенства и мирян, увлеченно работающих в сфере православного просвещения. Архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк при устройстве семинарских дел проявил, на мой взгляд, уникальные организаторские способности, очень помогла поддержка губернатора Хабаровского края В.И.Ишаева и городской общественности. Так что динамичному старту помогло то, что уже была в определенной мере подготовлена почва.

Решиться поступить в только что открытое учебное заведение, наверное, непросто. Кто же составил самый первый курс семинарии?

По итогам вступительных экзаменов на первый курс мы приняли 40 человек. В их числе и те священнослужители Хабаровской епархии, которые не имели возможности получить духовное образование до хиротонии. Конечно, духовенству мы предоставили право свободного посещения лекций. Среди студентов семинарии есть и представители соседних епархий. Пока их не очень много: приехали те, кто успел узнать об открытии семинарии в Хабаровске.

В целом первый курс получился очень удачный, многие уже имеют светское высшее образование. Мне как преподавателю работать в этой аудитории интересно.

Хабаровская духовная семинария должна стать в полном смысле слова православным образовательным центром региона. Для этого в первую очередь необходимо наладить в семинарии учебный процесс. Сегодня в нашей духовной школе преподают специалисты из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий, из Хабаровских вузов, в преподавательской корпорации есть доктора и кандидаты наук. Мы стараемся создать в семинарии такую обстановку, чтобы наши студенты за недолгие пять лет обучения приобрели не только духовный опыт, необходимый для пастырского служения, но и созрели как всесторонне развитые и образованные личности. Кроме подготовки священнослужителей, в ближайшие годы мы планируем начать обучение иконописцев и регентов церковных хоров.

Как сегодня Православие представлено на Дальнем Востоке?

Распространение Православия на Дальнем Востоке всегда было связано именно с Русской Православной Церковью. И сегодня российские территории на Дальнем Востоке, а также территории сопредельных государств в этом регионе являются канонической территорией Русской Православной Церкви.

В настоящее время в Дальневосточном регионе России проживает более семи миллионов человек, большая часть которых исповедует Православие. Представляя идею создания Хабаровской семинарии на заседании Священного Синода, Святейший

Патриарх назвал десять епархий, относящихся к этому региону: Анадырская, Благовещенская, Биробиджанская, Владивостокская, Магаданская, Читинская, Петропавловско-Камчатская, Хабаровская, Южно-Сахалинская, Якутская. Кроме этого, в регионе существуют две Автономных Церкви, Японская и Китайская, находящиеся в каноническом ведении Русской Православной Церкви.

Во Владивостокской епархии успешно развиваются православные образовательные проекты: много лет здесь существует духовное училище, открыто Отделение теологии и религиоведения в Дальневосточном государственном университете.

Почему тогда семинарию открыли именно в Хабаровске, а не во Владивостоке?

Хабаровск является административным и культурным центром Дальневосточного региона, а семинария мыслится как духовное учебное заведение для всего Дальнего Востока. Этим и обусловлен выбор местоположения семинарии. В нашем случае наличие духовных учебных заведений в Хабаровске и во Владивостоке — не проблема в развитии духовного образования, а ее решение. Думаю, что коллеги из Владивостокского духовного училища и Отделения теологии и религиоведения Дальневосточного университета примут самое деятельное участие в судьбе Хабаровской семинарии.

Со временем, благодаря наличию в регионе духовных школ нескольких уровней, сложится вполне стройная система духовного образования Дальнего Востока.

Одной из целей Хабаровской семинарии названо развитие миссионерской деятельности Церкви на Дальнем Востоке. Какие направления Вы намерены осваивать в первую очередь?

Я уверен, что деятельность нашей семинарии станет мощным толчком к развитию миссионерской деятельности Церкви в этом регионе на совершенно новом уровне, во-первых, потому, что теперь священнослужителей для дальневосточных епархий будут готовить не в Москве или Петербурге, а в столице Дальнего Востока, учитывая специфику и особенности церковного служения именно в этом регионе. Понятно, что и создание, и реализация миссионерских наработок именно для этого края ложится на плечи преподавателей, студентов и будущих выпускников нашей семинарии, от их успехов и будет многое зависеть.

Конечно, первые наши проекты будут реализованы в Хабаровске. Уже в этом году мы создаем при семинарии богословские курсы для мирян. Преподавать на курсах будут не только сотрудники нашей семинарии, но и гости из других богословских школ России. Параллельно мы разрабатываем программу лекций и встреч в вузах города.

В планах стоит организация поездок групп преподавателей семинарии в различные епархии

Ерофею
Павловичу
ХАБАРОВУ

Памятник Ерофею Павловичу Хабарову,
русскому землепроходцу, первому исследователю
Дальнего Востока

Дальнего Востока и Забайкалья, развитие отношений с вузами всего дальневосточного региона.

Отец Петр, Вы пока говорите о миссионерских проектах, нацеленных на русскоязычное население, но наверняка расположение Хабаровска на границе России ставит свои особенные задачи. Будет ли Хабаровская семинария развивать миссионерские проекты среди китайцев и корейцев, проживающих на российской территории?

Вопрос организации на базе Хабаровской духовной семинарии православного образования для выходцев из сопредельных государств, «осевших» на российском Дальнем Востоке, мне представляется чрезвычайно важным. По моему мнению, государство и Церковь должны сегодня совместно развивать образовательные и просветительские проекты, ориентированные на иммигрантов представителей дальневосточной цивилизации.

У Русской Православной Церкви уже довольно богатый опыт благовестия на Дальнем Востоке. Достаточно вспомнить некогда многочисленную Китайскую Православную Церковь или же корейские православные общины, существовавшие на территории Российской Империи до 1917 года. Приобщение иммигрантов к православной духовности и создание внутри диаспоры православных общин мне кажется сейчас очень важным как для миссии на территории России, так и для поддержки наших миссионерских проектов в Китае и других дальневосточных странах. Образованные священники из диаспоры, которые бы пользовались авторитетом, учитывали бы как национальные, так и православные церковные традиции,— не только наша мечта, но и наша цель, при помощи Божией

вполне осуществимая, может быть, даже в ближайшее время.

Несколько лет назад мы создали в Московской духовной академии Дальневосточный центр, его наработки вполне могут быть применены в Хабаровской семинарии. Вообще, думаю, что опыт работы в Академии мне очень поможет на новом месте служения.

На момент принятия решения о Вашем назначении в Хабаровск Вы являлись проректором Московской духовной академии. Как Вы отнеслись к назначению в столь отдаленный регион?

Признаюсь, это назначение было для меня несколько неожиданно. В последние годы я с головой погрузился в проблемы богословского образования, в академическую жизнь, и, конечно, мне потребовалось определенное время, чтобы настроиться на новые задачи...

О решении Святейшего Патриарха направить меня в Хабаровск мне сообщил на Троицу владыка ректор, архиепископ Верейский Евгений. Для нас, лаврских академических монахов, Троицын день имеет особое значение. Поэтому известие об этом благословении Его Святейшества я принял в возвышенном состоянии духа. Впрочем, здесь важно не то, кого назначают, а то, кто принимает решение. Тот факт, что Его Святейшество лично решает кадровые вопросы по Хабаровской семинарии, показывает, сколь важен данный проект для него и для всей Церкви. Именно в этом ключе надо понимать и направление проректора Патриаршей Московской академии на Дальний Восток.

Безусловно, это накладывает на меня особые обязательства, и в должности проректора Хабаровской семинарии я приложу все силы для создания серьезного учебного заведения. Ректором семинарии Священный Синод определил быть архиепископу Хабаровскому и Приамурскому Марку. Опыт владыки, его знание всех особенностей региона особенно важны в деле создания и развития семинарии со столь многоплановыми задачами.

Отец Петр, Вы были одним из инициаторов создания журнала «Встреча» и в течение почти десяти лет были его бессменным главным редактором. Предполагаете ли Вы наладить издательскую деятельность в Хабаровске?

Журнал «Встреча» уникален среди периодических изданий духовных школ тем, что он создавался всецело по студенческой инициативе и до сих пор издается силами студентов Московской духовной академии и семинарии.

Сам журнал может быть прекрасной иллюстрацией к истории возрождения духовного образования в 90-х годах. Я прекрасно помню, как трудно было многим в Академии принять идею самостоятельного студенческого издания. Но пришло новое время, и студенты, поступившие в духовные школы в начале 90-х, оказались способны ответственно и

Иеромонах Петр (Еремеев) читает лекцию в Хабаровской духовной семинарии

адекватно обсуждать на страницах собственного издания проблемы духовного образования, актуальные вопросы церковной жизни и православной миссии. Чтобы повторить такое издание в Хабаровске, необходимо дождаться, воспитать своих энтузиастов, подобных тем, кто трудился когда-то в редакции: владыке Амвросию (Ермакову), отцу Роману (Лукину), отцу Нестору (Сиротенко), отцу Алексию (Трегубенко), отцу Евфимию (Моисееву), Сергею Елисееву...

Если говорить в целом об издательских планах Хабаровской семинарии, то некоторые наброски у нас, конечно, есть. В настоящее время, например, мы готовим буклет о семинарии, в котором мы расскажем о нашей духовной школе, предложим нашим абитуриентам материалы для подготовки к вступительным экзаменам.

Кстати, мы ждем в Хабаровске не только абитуриентов, но и выпускников духовных школ. В будущем году мы будем рады встретить и принять на преподавательскую работу выпускников наших академий. Работы хватит на всех и, поверьте, Приамурье — это место, куда стоит приехать.

Благодарим Вас за интервью и желаем успехов и помощи Божией Вам, преподавателям и студентам Хабаровской духовной семинарии. Работать в редакции журнала «Встреча» под Вашим руководством нам всем было очень приятно.

*беседовал Петр Королев,
5 курс МДС*

Так выглядел памятник с 1958 по 2001 год

Памятник ПОЧИВШИМ НАСТАВНИКАМ

26

В Московской духовной академии, равно как и в любой школе, слава и величие — в единстве и преемственности. Руководствуясь началами, положенными в основание школы, сменяющиеся поколения, умножают ее богатство, созидают ее дух, не нарушая общего образа жизни. Наверное, поэтому в нашей alma mater всегда чтит наставников. Некогда был даже особый день поминовения почивших тружеников Академии — накануне престольного праздника, 30 сентября по старому стилю служилась заупокойная литургия, за которой звучали молитвы благодарных потомков. А устроенное при ректоре протоиерее Александре Горском академическое кладбище позволило не расставаться почившим

с родной Академией и по смерти, сближая трудившихся и в их труд вошедших.

«Не стеснительно для нас,
и для Лавры более удобно...»

Особое кладбище в Академии разрешил устроить митрополит Иннокентий (Вениаминов; †1879). До 1871 года умиравшие профессора, преподаватели и служащие при Академии, равно как и студенты, были погребены на кладбищах внутри стен Лавры, преимущественно на Смоленском, ближе к самой Академии. Другие члены академического братства, как, например, профессор протоиерей Петр Спиридонович Делицын (†1863), погребены

на Успенском кладбище. Это, конечно, не могло не вызывать неудобств, особенно для Лавры, и Академия должна была подыскать себе особое место для кладбища в пределах своих владений.

21 октября 1871 года в академической больнице после непродолжительной болезни скончался студент II курса Академии Василий Головин, питомец Пермской семинарии. Ректор протоиерей Александр Горский с сонмом духовенства два раза в день совершал при гробе панихиды при участии хора, а однокурсники почившего распределили между собой чтение Псалтири на все дни до погребения. 23 октября в Покровском храме было совершено отпевание новопреставленного. Донося митрополиту о смерти студента, отец Александр писал: «Погребение студента Головина побуждает меня низайше представить милостивому вниманию Вашего Высокопреосвященства следующие обстоятельства. Прежде студенты, которых по воле Божией застигал час смертный среди приготовления на службу Святой Церкви, были хоронимы на одной из линий ближайшего к Академии лаврского кладбища, что подле Смоленской церкви. Но как эта линия с течением времени уже довольно наполнилась могилами, то открывается надобность приискать другое помещение для отходящих из сей жизни братьев наших. В одно из посещений Академии Вашим Высокопреосвященством, когда Вы изволили проходить через академический сад, мимо той линии, где погребены наши студенты, я имел честь докладывать Вашему Высокопреосвященству о сей надобности для Академии, представляя, что можно было бы для сего воспользоваться частью сада академического, принадлежащей к тому же лаврскому кладбищу. Это было бы и не близко от жилища нашего, и не стеснительно для нас, и для Лавры более удобно. В настоящее время, обстоятельствами вынуждаясь воспользоваться сим соизволением Вашего Высокопреосвященства, низайше прошу архипастырского разрешения в этой части сада академического, прилежащей к Смоленскому кладбищу, образовать небольшое кладбище собственно для служащих и учащихся в Академии. К сему поставляю долгом присовокупить, что со стороны отца наместника не заявлено никакого затруднения, напротив, объявлено совершенное согласие». Митрополит Иннокентий на это прошение ответил резолюцией: «С Богом!» С тех пор долгое время не только студенты, но и сотрудники Академии были погребены на этом месте.

К первой могиле нового кладбища суждено было вскоре присоединить и вторую. Холодной осенью следующего года во время возвращения с каникул сильно простудился студент Академии Александр Михайлович Барнуков, питомец Нижегородской семинарии. По приезде в Лавру он почувствовал приступы лихорадки и слег в академическую больницу. В течение пяти-шести месяцев

болезнь прогрессировала, приняла тяжелую форму и унесла жизнь студента.

Сам печальник о кладбище для Академии протоиерей Александр Горский, скончавшийся 11 октября 1875 года, нашел здесь же себе место упокоения.

До основанья — а затем?..

Жизнь Сергиева Посада с первых лет после революции происходила в нескольких пространствах: вся верующая Россия следила за тем, устоит ли Лавра перед натиском безбожия и кучки распоясавшихся местных комиссаров, поддерживаемых органами ЧК из Москвы. Декрет от 5 октября 1918 года «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины» предписывал, в частности, «взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение». 1 ноября того же года на заседании московской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины было принято постановление №2517, согласно которому Лавра национализировалась, для ее охраны назначалась местная комиссия. В ее состав входил и священник Павел Флоренский, который в конце 1918 — начале 1919 года сделал описания надгробных плит Троице-Сергиевой Лавры XIX–XX веков.

По списку надгробий 1927 года, обнаруженному сотрудником Сергиево-Посадского музея-заповедника В.А.Ткаченко, на академическом кладбище числилось 10 памятников. Увы, нигилистическое отношение к культурному наследию ультраевых деятелей, считавших себя специалистами по «пролетарской культуре», не прошло бесследно и для академического сада. Не увидели большевики в кладбищенских надгробьях памятников искусства, «имеющих историческое или художественное значение». Наземная часть семейной усыпальницы Академии была разрушена: пустота стала «величественным» памятником, который оставили после себя пролеткультовцы и который отображал суть большевистской идеологии.

Поминая наставников

Церковные делатели, самоотверженно возрождавшие нашу Духовную школу в 40–50-е годы XX столетия, усердно заботились о твердой основе — духовной жизни ученой корпорации и воспитанников, а она, конечно же, немислима без поминания *наставников, проповедовавших Слово Божие* (Евр. 13:7).

После воссоздания и освящения Покровского храма в 1955 году, было решено установить

памятник почившим профессорам и наставникам Московской духовной академии на территории академического кладбища. Инициатором и руководителем всех работ по сооружению памятника был секретарь Совета Академии протоиерей Алексей Остапов (1930–1975). Закладка величественного памятника состоялась 3 сентября 1958 года. Вскоре он стал призывать благодарных питомцев нашей *alma mater* вознести молитву об упокоении «всех zde лежащих и в иных местах погребенных наставников». На памятнике в центре большого креста был помещен барельеф главы Христа в терновом венце, а вверху надпись «Христос Воскресе». Эти слова, выражающие суть нашей христианской веры, предложил написать отец Алексей. На обратной стороне находится следующий текст: «Сооружен сей памятник по благословению и иждивением Святейшего Патриарха Алексия усердием и любовью профессоров и преподавателей Московской духовной академии и семинарии в 1958 году».

Шли годы. Господь призывал в Свои вечные обители насельников и созидателей нашей Духовной школы. Список имен *сих, свидетельствованных в вере* (Евр. 11:39), постепенно увеличивался, и академическое священноначалие совместно с лаврским приняло решение о реконструкции памятника, требовавшего к тому же основательной реставрации.

При разборке памятника летом 2001 года в основании креста была обнаружена записка, положенная строителями «под угол» в 1958 году. Текст записки такой:

«Сохраняя // [п]реж[н]ие традиц[ии], //
 про]изводим соотв[ет-//стве]нно заклад[ку] //
 по]д угол. // Следующие маст[ера:] //
 1. Вильяверде // 2. Древаль // 3. Ковешников //
 [4.] Рождественский // [5. С]вистунов».

Не мертвые, но живые

Ныне на мраморе памятника 115 имен, к некоторым уже добавлено надписание «св.» — святой. Это имена мужей великих и именитых, носителей идеалов святилища духовной науки, которые здесь, на этом самом месте, в этих самых стенах проходили свое жизненное поприще, стремились к осуществлению тех религиозно-научных идеалов, во имя которых пришли и мы сюда. Эти идеалы — черты грядущего Царства Божия, основание которому положено Христом Спасителем. Праотцы и отцы нашей школы жили верой именно в это грядущее торжество Христовой истины, добра и правды. Их духовный взор был направлен туда, где во свете Божественного Откровения разворачивается перед человеческим сознанием совершенная истина.

Память об усопших нужна не только им, но и нам. И чтобы наша школа не угасала, а как светлая лампада горела все ярче и ярче, умножая величие и славу прошлого, необходимо многое. Сможем ли мы стать ревностными носителями их идей, планов и чаяний? Пожелаем ли внести свою лепту в начатую ими вековую работу? Или, может быть, предпочтем отказаться от выпавшей нам чести в пользу последующих поколений и служить иным идеалам и чаяниям? Но, глядя на длинный ряд имен почивших славных тружеников Академии, вспомним призыв Апостола: *имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса* (Евр. 12:1–2).

*иеродиакон Ефрем (Просянок),
 II курс МДА*

Академическое кладбище стало местом упокоения эконома Московской духовной академии Ирины (†1874), заслуженного профессора Петра Симоновича Казанского (†1878), профессора протоиерея Сергея Константиновича Смирнова (†1889), кандидата богословия иеромонаха Иоанникия (†1892), инспектора Академии архимандрита Григория (Борисоглебского; †1893), профессора Дмитрия Федоровича Голубинского (†1903), профессора Павла Ивановича Горского-Платонова (†1904), лектора немецкого языка Василия Петровича Лучинина (†1911), академика Евгения Евсигнеевича Голубинского (†1912), профессора Александра Павловича Шостына (†1916), профессора Сергея Ивановича Смирнова (†1916), профессора Анатолия Алексеевича Спасского (†1916), заслуженного профессора Митрофана Дмитриевича Муретова (†1917) и студентов: Василия Головина (†1871), Александра Барнукова (†1872), священника Феодора Петровича Филатова (†1876) и Григория Петровича Соколова (†1884).

протоиерей Николай Соколов,
выпускник МДС 1959 года

Родные лица

В Московскую духовную семинарию я поступил сразу после окончания средней школы по рекомендации архиепископа Иркутского и Читинского Палладия (Шерстенникова; †1976), впоследствии митрополита Орловского и Брянского.

С детских лет, как только у нас в Иркутске открылись храмы (до 1943 года все храмы в Сибири были закрыты), я с мамой и бабушкой стал посещать Знаменский храм, впоследствии ставший кафедральным собором. В 1948 году, когда возобновилось архипастырское управление и прибыл архиепископ Ювеналий (Килин; †1958), принявший пред кончиной схиму с именем Иоанн, меня взяли в алтарь прислуживать при архиерейской службе. Иподиакономствуя и иногда участвуя в церковном хоре, я познавал церковное богослужение. Архиепископ Палладий, управлявший Иркутской епархией с 1949 года, заботился об уставном совершении служб, сам служил торжественно и был очень требовательным. Все это способствовало тому, что я очень хорошо знал церковный устав и неплохо читал по-славянски.

Проходило детство, юность, я окончил школу. Наступило время выбирать жизненный путь, и я без колебаний решил поступать в Духовную семинарию, хотя «добрых советчиков» не делать этого в то время было достаточно. Владыка Палладий дал мне рекомендацию для поступления, и в конце

августа 1956 года я впервые вступаю на священную землю Троице-Сергиевой Лавры.

Братия

Прибывают и другие абитуриенты, знакомимся друг с другом, волнуемся... Конкурс оказался довольно большим. Есть среди нас иподиаконы от разных архиереев, естественно, с архиерейскими рекомендациями. Все усердно молимся в Троицком соборе у мощей преподобного Сергия Радонежского об успешном поступлении. Наконец, прошли вступительные экзамены и собеседования, которые предваряла медицинская комиссия. После всего этого было объявлено, что я и еще трое поступающих зачислены сразу во второй класс Московской духовной семинарии при условии сдачи экзаменов по всем предметам за первый класс к концу первого полугодия. Это было непросто. Нужно было учить и текущий материал за второй класс, и самостоятельно осваивать материал по всем предметам за первый. Особую трудность для меня представляло изучение катехизиса и грамматики церковно-славянского языка. Все мы, поступившие сразу во второй класс, с Божией помощью справились с поставленной перед нами задачей и, сдав экзамены, со второго полугодия уже были равноправными воспитанниками второго класса.

х., м., ЦАК МДА

Профессор Анатолий Васильевич Ушков
(1894–1972)

С особым чувством хочется отметить тот факт, что мы, вновь влившиеся в коллектив для нас еще незнакомый, были приняты именно по-братски. И обращение ко всем «братия» не звучало формально — это братство ощущалось на самом деле. Нам, новичкам, старались помочь старшие по возрасту: Володя Фролов, тогда иподиакон Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского, ныне протоиерей одного из храмов Москвы; Саша Куликов, ныне протоиерей Александр, настоятель храма во имя святителя Николая Чудотворца в Кленниках, да и другие. Володя Фролов проявлял какую-то особо трогательную опеку по отношению к нам и ко мне в частности. Потом наши взаимоотношения переросли в добрую дружбу, о которой всегда приятно вспоминать.

Единое на потребу

Потекли семинарские будни, наполненные внутренним содержанием, способствующим правильному настрою души будущих пастырей. То, что духовная школа находится в стенах Лавры, где покоятся святые мощи аввы Сергия, имеет огромное значение. У семинаристов имеется неписанное правило — начинать день с посещения Троицкого собора, чтобы испросить благословение у Преподобного. Нередко мы посещали братский молебен у раки преподобного Сергия и, приложившись к его святым мощам, шли на занятия. Если по какой-то

причине утром не получалось приложиться к святым мощам, после занятий мы обязательно восполняли этот пробел. Это было зовом души, какой-то потребностью, без которой мы не мыслили себя, вернее, чувствовали какую-то ущербность. Само пребывание в стенах монастыря, участие в монастырских службах, возможность иметь духовное руководство, конечно, настраивали нас на духовный лад. Очень важным моментом нашего духовного становления было то, что мы имели возможность жить церковной жизнью, участвуя в богослужениях и в Покровском академическом храме, и в храмах Лавры в воскресные и праздничные дни, и неся послушание в так называемых «десятках». Все студенты были разделены на десять групп, которые по будням поочередно пели на клиросе в Академическом храме.

Вопросы на уроках и переменах

Преподаватели нашей духовной школы применяли все свои знания и опыт для того, чтобы воспитать из нас достойных пастырей Церкви. Были у нас и довольно молодые преподаватели, были и маститые, умудренные опытом. Мне особенно нравились лекции тогда еще священника Константина Нечаева (впоследствии митрополита Питирима; †2003). Как живо и образно он доносил до нас преподаваемые предметы! Всегда можно было с ним побеседовать во время перемен, задать волнующие тебя вопросы. Многие пользовались такой возможностью. Отца Константина чаще всего можно было видеть прогуливающимся по коридору с указкой в руках и беседующим с кем-нибудь из семинаристов.

Алексей Иванович Георгиевский, преподававший литургику, запечатлелся в моей памяти благоговейно верующим человеком. Когда он говорил о Божественной Литургии, казалось, он живет ею. Когда он доходил до объяснения особо важных моментов, он вставал на кафедре и к его словам добавлялись переливающиеся через край чувства.

Василий Дмитриевич Сарычев, преподававший догматическое богословие, вероятно, кому-то мог показаться этаким «сухарем». Он был всегда серьезен, говорил спокойно, взвешенно, лишь изредка можно было увидеть на его лице очень сдержанную улыбку. Аскетически настроенный, он очень серьезно относился ко всему и тем более — к преподаваемому им предмету. От нас он всегда требовал четких ответов на поставленные вопросы. А иначе и нельзя. Чуть неточно выразишь мысль — недалеко до ереси. Такова уж специфика этой дисциплины. Естественно, у нас, воспитанников Семинарии, возникало много вопросов, которые мы задавали Василию Дмитриевичу на уроках. И он всегда взвешенно, аргументированно отвечал нам, рассеивая наши сомнения.

Понять и полюбить

Своеобразную любовь к языкам привили мне маститые преподаватели: славянского языка — Анатолий Васильевич Ушков, и латинского — Николай Михайлович Лебедев. Они оба были по-своему влюблены в преподаваемые ими предметы. Мне еще в школьные годы языки давались легко, и я очень любил их. От изучения латыни в моей памяти до сих пор остались многие пословицы и поговорки, которые время от времени диктовал нам Николай Михайлович, наш *amicus* дорогой, как его мы называли. Он всегда нас приветствовал перед началом урока: «*salvete, amici clarissimi*» — «здравствуйте, дорогие друзья».

Анатолий Васильевич побуждал нас вникать в смысл славянского текста и просил находить встречающиеся в богослужебных книгах опечатки, которые ведут к неправильному пониманию смысла. Теперь это помогает мне при работе со ставленниками и с начинающими чтецами, которые далеко не всегда понимают текст, который читают. Церковно-славянский язык нужно понять и полюбить. Я категорически не согласен с теми, кто в настоящее время призывает к переводу богослужения на «более понятный» русский язык. Как минимум, это нас только обеднит. И утрата может оказаться невозполнимой.

Нельзя не вспомнить и того, с каким энтузиазмом Анатолий Васильевич читал для всех учащихся и учащихся лекции по астрономии и другим естественно-научным предметам. Велика была его эрудиция и желание поделиться со студентами своими знаниями.

Закалка

Очень добрая и светлая память в моем сердце осталась об отце протоиерее Иоанне Козлове, прибывшем к нам из Ленинградской духовной академии, — он читал нам лекции по сектоведению и расколоведению. В свое время он сам был миссионером и часто очень образно рассказывал нам, как ему приходилось вести диспуты с расколотыми учителями. Он подкреплял свои лекции живыми примерами из своей миссионерской деятельности. Не раз он говорил нам, как бы готовя нас к сегодняшнему дню: «Придет время, и вам придется защищать чистоту веры Православной». Посмотрит на нас из-под своих седых бровей, поднимет руку, показывая на широкий рукав своей рясы, и промолвит: «Когда станете священниками, никогда не стесняйтесь этого широкого рукава...» Он очень дорожил простой верой рядовых прихожан, говоря нам: «почаще смотрите на эти белые платочки, на белых платочках наша вера стоит». А как он скорбел об отреченцах Дулумане, Дарманском и им подобных! В ту пору было модно публиковать

*Профессор протоиерей Константин Ружицкий
(1888–1964)*

в газетах собственные отречения от веры и сана. У нас это вызывало негодование.

В это время писалось много всяких антирелигиозных статей и брошюр, «научно» обосновывающих атеизм. И как только в книжном магазине, находившемся недалеко от Лавры, появлялось что-то новое из этой серии, первыми покупателями были семинаристы. Мы старались быть в курсе всего, что писалось атеистами, старались найти контраргументы на их доводы и, конечно, обсуждали эти статьи вместе с отцом Иоанном Козловым. Все это закаляло нас духовно и помогало утверждаться в истинах Православия.

Особую симпатию у семинаристов снискал архимандрит Леонид (Поляков; †1990), скончавшийся в сане митрополита Рижского и Латвийского. Он тоже прибыл к нам из Ленинградской духовной академии, преподавал гомиетику и занимал должность инспектора Московских духовных школ. Несмотря на его административное положение и, казалось бы, недостижимость, он всегда был окружен студентами, чего не скажешь о ректоре протоиерее Константине Ружицком, который всегда гулял в гордом одиночестве.

Особо запомнилось возвращение из Духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Пимена (Хмелевского), впоследствии архиепископа Саратовского (†1993). Отец Пимен провел для всех нас цикл бесед-рассказов о Святой Земле с показом собственных цветных слайдов. Это сейчас многие там

побывали и могут поделиться своими впечатлениями, а для нас в то время встречи с отцом Пименом были первым и удивительным знакомством с великими христианскими святынями.

Праздники вдвойне

Чувство особого духовного трепета ощутил я, когда сподобился впервые получить благословение Первосвятителя Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Его Святейшество по традиции посещал Духовные школы и на престольный праздник, когда проводился годичный акт, и непременно в день памяти митрополита Московского Филарета, когда у нас проводились Филаретовские вечера. Святейший Патриарх обязательно что-то рассказывал нам о митрополите Филарете. Всегда во время визитов он благословлял каждого студента в отдельности, пронизывая своим взглядом. Получить благословение Святейшего было счастьем для нас.

К праздничным датам особенно усиленно готовились хористы — разучивали как духовные песнопения, так и произведения классики. Мне довелось застать преподавателя церковного пения Ивана Николаевича Аксенова, участника Придворной капеллы, для которого ноты были не просто значками, а чем-то живым. К концертам, во всяком случае, в первый год моего обучения в Семинарии, мы готовились именно под его руководством. Праздники в Академии были для нас, певцов, праздниками вдвойне. Было и ответственно, и радостно.

*Профессор Николай Михайлович Лебедев
(1879–1967)*

х., м., ЦАК МДА

Очень сильное впечатление на меня производило богослужение Прощеного воскресения, когда все учащие и учащиеся испрашивали друг у друга прощение. Наблюдать этот чин мне доводилось сверху, с хоров. Было трогательно смотреть, как все студенты подходили поочередно друг к другу, выстраиваясь в длинную цепочку. После чина прощения наступало особое умиротворенное чувство. Остались в памяти и общие исповеди, проводимые духовником Лавры архимандритом Петром. Удивительно радостный настрой души создавали пасхальные богослужения в Лавре, особенно, когда по лаврской традиции наместник, христосуясь, бросал народу пасхальные яйца. Народ с радостью их ловил, громогласно отвечая: «Воистину воскрес!» Такое зрелище было для меня новым.

Однокашники

Все это — небольшие штрихи к описанию нашей семинарской жизни, которая объединяла нас в единую семью и готовила нас к предстоящему служению. После окончания Семинарии в 1959 году я был зачислен в Московскую духовную академию, но заниматься довелось чуть больше месяца в связи с тем, что вместе со многими моими собратьями я был призван на службу в армию. После армии пришлось учиться в Академии заочно, что, конечно, несравнимо со стационарным обучением. О семинарских годах осталось самое теплое воспоминание, и дружба между нами, бывшими «однокашниками», не прекратилась. Свидетельством тому — наши встречи по случаю годовщин окончания Семинарии. Особенно мне памятна встреча на десятилетие нашего выпуска — к тому времени мы уже стали довольно солидными протоиереями и протодиаконами.

Отрадно сознавать, что из нашего семинарского выпуска есть и святители Церкви Христовой. Это митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим (Руснак) и архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов), на долю которого выпало преподавание в Московских духовных школах и восстановление порушенных Данилова монастыря и Оптиной пустыни. Есть среди нас и профессор Московских духовных школ. Это Алексей Ильич Осипов и уже покойный игумен Марк (Лозинский). Отрадно, что многие из нас с честью трудятся на ниве Христовой как пастыри Церкви, между прочим, большинство — в первопрестольном граде Москве. Некоторые уже отошли в вечность.

Пусть Господь Пастыреначальник поможет всем нам по возможности достойно пройти оставшийся путь нашей земной жизни, а достигнув вечности, с дерзновением сказать: «Господи, вот я и дети, которых Ты мне дал. Не лиши нас Твоих милостей и щедрот во Царствии Твоем!»

Мозаика монастыря Осииос Лукас, Греция

Воскресение Христово видевшие

Умозрение и подвиг Александра Туберовского

Исторический опыт Русской Православной Церкви в двадцатом столетии поистине уникален. Никогда еще история не видела такого методичного и массового уничтожения духовного сословия, как в постреволюционную эпоху. И хотя развал СССР открыл доступ исследователям к засекреченным архивам ОГПУ и НКВД, до сих пор многие вопросы новейшей церковной истории остаются неизученными.

Московская духовная академия, как крупнейший центр богословской науки, образования и подготовки священнослужителей, одна из первых приняла удар от власти Советов. Несмотря на изменение отношений с правящим режимом, Академия продолжала нести свет богословской науки. В этих непростых условиях особенно стойкими показали

себя такие ревнители благочестия, как архиепископы Иларион (Троицкий) и Варфоломей (Ремов), священники Анатолий Орлов, Илия Громогласов, Павел Флоренский, профессор И. В. Попов и многие другие.

В этом ряду скромно стоит фигура Александра Михайловича Туберовского — профессора, протоиерея, священномученика...

Curriculum vitae

Родился Александр 8 марта 1881 года в небольшом селе Маккавеево (ныне поселок Сынтул) Касимовского уезда Рязанской губернии. Простой сельский мальчишка мало чем выделялся среди своих сверстников. Отец Саши, иерей Михаил Михайло-

Защита магистерской диссертации Александра Туберовского в октябре 1917 года стала заключительным событием в истории противостояния двух идеологических течений в профессорской корпорации МДА начала XX века.

вич Туберовский, служил в сельском Покровском храме вторым священником и с детства приобщал сына к церковной жизни.

В 15 лет Александр Туберовский, пройдя курс Касимовского духовного училища, поступает в Рязанскую духовную семинарию. Окончив ее в 1902 году, он становится вольнослушателем Московской духовной академии.

Быстро пролетело время и в академических стенах. Сразу по окончании учебы, в 1907 году, А. М. Туберовский поощряется особой профессорской стипендией.

Дальнейший его путь лежит через Калужскую духовную семинарию, где вплоть до 1911 года он преподает апологетику, нравственное и догматическое богословие. Как среди преподавательского состава, так и среди семинаристов Александр Михайлович снискал авторитет и уважение. Получив в том же году приглашение из Москвы, Туберовский переводится в Академию на должность

доцента. Все это время он продолжает готовить диссертацию на тему «Воскресение Христово. Опыт православно-мистической идеологии догмата», уникальность которой заключалась в том, что это была первая в новейшей истории богословия попытка заново осмыслить основной догмат христианства.

Идеология догмата

Согласно Туберовскому, Воскресение Христово — это принципиально новое, аналогичное творению и Боговоплощению откровение Бога, «смысл которого — во всецелом духовно-телесном обоже-нии». В результате этого «последний враг — смерть будет упразднен, *Бог будет все во всем* (1 Кор. 15:28), то есть наполнит Собою все сущее не статически, так как Он пребывает во всем и без того, а динамически — силой, или, по смыслу нового Откровения — славой».

«Тогда откроется божественная жизнь, полная любви и всякого совершенства, жизнь обоженного и прославленного человека в обоженном и прославленном мире». Впрочем, «всечеловеческое воскресение и всеобщий *анастасис* (воскресение) твари» вовсе не означают всеобщего спасения (оригеновского *апокатастасиса*). Воскреснут и праведные и неправедные, и христиане и язычники. «Сила Воскресения» реализуется во всей природе, во всем универсуме. Но восстание (анастасис) не означает восстановление утраченного состояния, как это понимается у Оригена, а «приобретение тварью, в силу Воскресения Христова, существенно нового модуса бытия», нового состояния. Ад, как и рай, тоже будет вечным. «Ведь и тела грешников, нехристиан будут, по воскресении, так же духовны, нетленны, сильны и, следовательно, славны, то есть полны божественного величия, как и воскресшие тела святых». Вечное блаженство и вечная мука лежат при таком понимании «в одной динамической плоскости», в том смысле, что они являются осуществлениями одной и той же свободы бытия.

Основной принцип, определяющий методологическое своеобразие концепции Туберовского, в его диссертации обозначается как «мистический разум». По мысли автора, он является функцией разума наравне с двумя другими его функциями: теоретической (мышление) и практической (воля). «Мистический разум — это наши эмоции, подобно тому, как теоретический разум — не что иное, как рассудок, а практический разум — здравый смысл». Хотя «мистический разум» присущ каждому человеку, существуют целые категории людей с особенно ярко выраженной «мистической» натурой, которая неизбежно должна доминировать над теоретическим и практическим рассудком: таковы пророки, поэты, медиумы.

Наиболее типичные проявления «мистического разума» мы имеем в религии — высшей сфере человеческого духа. Теология, как наука религиозная, прибегающая к интуитивному творческому началу, должна отводить мистическому разуму «царственное место». Недооценка его роли ведет к весьма вредным последствиям: рационализму, схоластике и сухому морализму. Поэтому богопознание как конечная цель теологии возможно только как продукт, по преимуществу, мистического разума.

Нападение и защита

Защита диссертации была назначена на 10 октября 1917 года, в самый пик заразившей страну революционной лихорадки. Вопреки установленному регламенту, прения продолжались и на следующий день. В качестве рецензентов были приглашены выдающиеся деятели академической корпорации: Михаил Михайлович Тареев и священник Павел

Флоренский. Отзыв отца Павла был заслушан в первый день защиты.

Флоренский отметил множество существенных недостатков в диссертации, ставящих ее ниже среднего уровня. Основной критический тезис отца Павла заключался в том, что автор «не там ищет решения поставленной задачи». «Упомянув множество раз о необходимости „динамического“ мышления, Туберовский хочет представить не систему общеобязательных норм догматической мысли, а некоторый внутренний путь. Сочинение его, по самому замыслу, становится своего рода исповедью и, следовательно, уже по заданиям своим есть и должно быть некоторою духовною автобиографией, а никак не научным толкованием православного учения о Воскресении Христовом».

Впрочем, отец Павел выделял и положительные стороны сочинения. Он указывал на постановку вопросов веры по существу и на то, что автор не прячется от ответа за историческими сообщениями; но смелость выбора задачи была, по словам Флоренского, непосильной, быть может, и не для одного А. М. Туберовского.

На следующий день было запланировано выступление М. М. Тареева, который находился в довольно сложных отношениях с Флоренским. К личному отношению, очевидно, примешивалось еще и то, что Тареев сменил Флоренского на посту главного редактора «Богословского вестника». Выступая в роли рецензента, Тареев отметил ряд ошибочных положений в диссертации Туберовского, что само по себе вызвало удивление, так как очень многие в Академии считали их единомышленниками. Постепенно разговор стал переходить в другую плоскость, более удобную для критики в адрес Флоренского и его книги «Столп и утверждение Истины».

По воспоминаниям С. Волкова, учившегося в то время в Академии, «Тареев, несмотря на свои познания, был до грубости несдержан, особенно когда ударялся в полемику. После 1905 года его обвинили в „неправославии“ и долгое время казалось, что дни Тареева в Академии сочтены. Однако изгнать из стен Академии блестящего ученого-богослова академическое начальство не решилось. Перестав быть гонимым, а кроме того, получив возможность бесконтрольно высказывать в печати свое раздражение, Тареев сам поспешил обрушиться с несравненно более грубыми и резкими обвинениями на тех, кого полагал виновниками своих прошлых бед: на епископа Феодора (Поздеевского) и на Флоренского, в котором на протяжении ряда лет видел более счастливого и прославленного соперника».

Диспут был сорван. Группа профессоров, принадлежавших к антитареевской группе, во главе с Флоренским покинула зал Академии, ректор последовал их примеру. Остальным профессорам

Кондак, глас 2

Восхвалим, вернии, * изряднаго во священницех *
и славнаго в мученицех Александра, *
Православия поборника и благочестия ревнителя, *
земли Русския красное прозябение, *
иже страданием Небесе достиже *
и тамо тепле молит Христа Бога *
спастися душам нашим.

ничего не оставалось, как выйти вслед за ними. Последним медленно вышел Тареев.

«И тут раздались шумные аплодисменты. И тогда, и теперь я не знаю, кому аплодировало студенчество — Тарееву или Флоренскому? Сколько я ни расспрашивал об этом других аплодировавших, никто мне толком не мог ничего сказать», — вспоминает С. Волков. Потом в профессорской комнате Тарееву было предложено извиниться перед Флоренским. Там, в профессорской, кое-как закончился коллоквиум, присудивший расстроенному Туберовскому желанное звание магистра.

Вниду в дом Твой

После академических баталий Александр Михайлович был назначен на должность доцента, а через месяц ему присвоили звание экстраординарного профессора и наградили премией митрополита Макария.

Однако суровые реалии нового государства привнесли в академическую жизнь свои коррективы. Согласно декрету «Об отделении Церкви

от государства и школы от Церкви» религиозным обществам запрещалось владеть какой-либо собственностью. Учебные помещения прежних академий, семинарий и духовных училищ повсеместно конфисковывались новой властью. В 1919 году Московская академия была закрыта, а профессура разогнана.

Вернувшись в родное Маккавеево, Туберовский берет в жены купеческую дочь Татьяну Дмитриевну Третьякову, выпускницу университета. В начале 20-х годов, в самый разгар антицерковных гонений, он исповеднически принимает священный сан и вместе со своим отцом несет служение в родном селе. Среди крестьян отец Александр оставил память как всесторонне образованный человек, знакомый с сельским укладом жизни, с крестьянским трудом.

В отличие от бурной академической жизни, о священническом служении отца Александра мы почти ничего не знаем, но, несомненно, это был непростой для него период. В 20-е годы духовенство находилось под тяжелейшим гнетом властей, и это время стало для Александра Туберовского подготовкой и предварительным испытанием перед самым главным этапом в его жизни.

26 сентября 1937 года он был арестован и отправлен в Рязань, где и находился вплоть до декабря. По распоряжению тройки УНКВД по Рязанской области А. М. Туберовский был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. 23 декабря того же года отец Александр вместе с группой других заключенных принял мученическую кончину. Перед казнью их заставили собственноручно выкопать траншею и тут же, поставив лицом ко рву, расстреляли.

Моли Бога о нас

Мученичество за Христа, бесстрашное свидетельство об Истине перед ее врагами, подвиг *даже до смерти* — это светлый венец истинной, духовной и возвышенной жизни. Вместе со множеством других новомучеников и исповедников Российских, отец Александр на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви был причислен к лику святых для общецерковного почитания. Сегодня его философские взгляды, богословские построения и те академические баталии, в которых он участвовал, отходят на второй план. Для нас они, конечно, важны и интересны, но все же не имеют такого значения, как его христианская кончина, которой он засвидетельствовал праведность своей христианской жизни и чистоту своей веры.

Сергей Барицкий,
1 курс МДС

Стихарь, светлая одежда ангелов

«Крестись на Горнее место, подходишь к священнику и говоришь: „Благослови, владыко, стихарь“», — наставляют молодого пономаря, не объясняя ему ни того, что означает эта священная одежда, ни того, что ее носят и священники, и архиереи, только называется она у них иначе: подризник или подсажкосник. Впрочем, этот пробел в образовании можно здесь и сейчас восполнить.

Стихарь за историю своего существования имел много наименований, указывающих на его различные признаки: собственно *στίχάριον* (прямая длинная одежда), *ποδήρης* (от *πούς* — нога, «до пят нисходящий»), *χιτώνιον*, *χιτώνισκος* (хитон, одеяние Христа), *alba* (белая одежда), *tunica* (одежда римлян), *tunica alba*, *tunica manicata*, *camisia* (камисий — одеяние прислужников).

Эти названия употреблялись в повседневной жизни и означали нижнюю одежду, которую в древности носили и мужчины, и женщины. Слово *στίχάριον* в значении одежды нижней, похожей по форме на тунику (*tunica manicata* или *tunica alba*) древне-римского гардероба и *ποδήρης* — древне-греческого, употреблялось с давнего времени в Древнем Риме, а впоследствии и в Византии.

В христианскую Церковь стихарь вошел как подражание ветхозаветной священнической одежде, известной под именем хитона. Древность стихаря подтверждается тем, что он употребляется во всех древних Церквях и о нем упоминается в древнейших служебниках и Евхологионах.

В третьем веке о стихаре говорит в своей апологии святой Афанасий Александрийский, в IV веке — блаженный Иероним пишет Илиодору о тунике, в которой священник Непоциан обыкновенно совершал служение и которую он оставил своему деду с тем, чтобы тот передал ее святому Иерониму из любви к нему. О святом Григории Назианзине известно, что тот оставил диакону Евтропию малую фелонь и стихарь белого цвета.

Историки и Отцы Церкви согласны в том, что первоначально стихарь был белого цвета, как и указывает одно из названий стихаря, приведенных выше, — *alba* (белая одежда). Белому цвету стихаря соответствует и то таинственное знаменование, какое соединяют с ним учителя Церкви: «Стихарь представляет светлую одежду ангелов, поелику часто облеченными светлую одеждою являлись ангелы: так, явившийся в гробе Спасителя облечен был в белые ризы. Стихарь означает чистоту и безукоризненность священнослужебного чина, также и божественное озарение, которое подает верным диакон посредством Евангелия и других чтений», — пишет блаженный Симеон Солунский¹.

Реки воды живой

Древней форме стихаря сейчас соответствуют священнические и архиерейские подризники, которые по своей сути являются стихарями, но получили иное название потому, что священники и архиереи поверх них облачаются в другие ризы. В Греции с древности на архиерейский подризник нашиваются источники (*πόταμοί* или *υάψατα*) — узкие цветные ленты, — этим указывается на слова Спасителя: *кто верует в Меня, у того из чрева реки потекут воды живой* (Ин. 7:38). Подризники с источниками были и у нас, но сначала принадлежали митрополитам, а потом исключительно Пат-

1. Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. II. — СПб., 1856. — С. 18.

риархам, так что в настоящее время подсаккосник епископа не отличается от священнического подризника.

О том, что в древности священнослужители носили подризники с источниками, убедительно свидетельствует и византийская, и древнерусская иконография, даже диаконы изображаются в стихарях с источниками. Отличие в том, что у диаконов источники однополосные, у пресвитеров — двухполосные, а у епископов — трехполосные, такие, как ныне на мантиях. Обычай нашивать источники на стихари, мантии, пояса и митры (инфуллы) сохраняется до сих пор также в Католической, Англиканской, Армяно-Григорианской и Епископально-протестантской Церквях.

Шесть маленьких анагностов в стихарях

В настоящее время по благословению епископа в стихарь могут облачаться и церковнослужители: иподиаконы, чтецы и пономари. Но, как это видно из древних чинов хиротоний Греческой и Русской Церквей и современного чина Восточной Церкви, он не входит в число церковных облачений низших клириков: впервые стихарь упоминается только в чине хиротонии в иподиакона: «посвящаемый в иподиакона приводится в феноли (φορών τούτον τὸ φαινόλιον) и, лишь по прочтении молитв и после благословения архиереем, одевается в стихарь и подпоясывается поясом»².

В XV–XVI веках на православном Востоке (хотя чины посвящений в чтеца и певца по-прежнему не упоминали о стихаре, а лишь о краткой фелони или «льняной одежде»), в практику вошел обычай позволять и низшим клирикам носить во время богослужения вместо камисиев стихари, по форме и материалу сходные с диаконскими. Таким образом, стихарь становится общей одеждой для всех церковнослужителей.

Диакон Игнатий Смолнянинов в 1390 году не без удивления описывает одеяния певцов Софии Константинопольской, и одежды их не называет прямо по имени, а выражается так: «ризы имеяху, аки стихари, ширици и долзи».

Об употреблении стихаря низшими клириками говорится в чине избрания и поставления епископа на Руси 1423 года: «митрополит же исходит из своая кельи, и идет к церкви, предъидущим пред ним четьцем в своих стихарех»³.

2. Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках на православном Востоке. Т. II. Ευχολόγια. — Киев, Университетская типография, 1901. — С. 996.

3. Русская историческая библиотека. Т.6. Памятники древне-русского канонического права. Ч. 1. — СПб., 1880. — С. 449.

Стихари «из тонкова полотна, с оплечьями и прерукавьями на них из бархатеи цветные травчатые, с источники из тасем, с подпушкой из каршенины» надевали три мальчика-певца при совершении чина «пещного действия», изображая трех отроков в печи халдейской: Ананию, Азарию и Мисаила⁴. Такие же стихари мы видим и на четырех мальчиках, которых сажали в Неделю ваий на колесницу с нарядною вербою⁵.

Архидиакон Павел Алеппский, сын Антиохийского Патриарха Макария, посетивший вместе с отцом в середине XVII века Россию, в своих записках неоднократно говорит о певчих и подьяках, облаченных в «золотые стихари», или «стихари иосифофские камчатые», и даже о «шести маленьких анагностях (чтецах) в стихарях»⁶ при патриарших выходах. Павел говорит и о том, что певчие дьяки «стряпали в стихарях» не только при богослужениях, при проходах Патриарха в храм из дома и обратно, но и во время торжественных обедов во дворце царя и в столовой у Патриарха⁷.

Стихари большие, малые и одежды стихареподобные

Однако стихари низших клириков отличались от стихарей диаконских, о чем ясно говорят старинные описи архиерейских ризниц. В описи

4. Никольский К., прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. — СПб., 1885. — С. 191.

5. Там же. С. 59–60.

6. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М., 1898. — С. 175.

7. Там же.

Стихарь XIX века
ЦАК МДА

имущества, оставшегося по смерти Смоленского митрополита Валаама, мы видим «шесть стихарей подьяческих малых, штофу красного полушолькового, оплечья и нарукавники трипу красного, подложены крашениною лазоревую»⁸. Опись архиерейской ризницы Софийского собора и имущества митрополита Новгородского Иова указывает нам на «шесть стихарей больших и средних станиц, желтой камки, на двух стихарях оплечья и зарукавье изорбав золотной с серебром, травы шелковые; подолники отлас красной, подложены крашениною лазоревую; а на четырех стихарях оплечье и зарукавье черленые, полосатые, простые»⁹.

Для сравнения приведем описание стихарей диаконских из тех же описей. «Стихарь изорбав золотной по черевчатой земли, оплечье и зарукавье шито золотом и серебром, по черному бархату, около оплечья и зарукавья круживо серебряное кованое, ветхое; подолник участок золотной по серебряной земля, крест тогож участка; подложен крашениною кирпичный цвет» (опись митрополита Иова). В той же описи о другом стихаре говорится: «стихарь бархат золотной, по черевчатой земле травы серебряныя да золотыя; оплечье и зарукавье шито золотом и серебром по черному бархату; крест низан жемчюгом в ряд мелким; подолник отлас

красной, на нем круживо серебряное да золотое с городами, подложен крашениною светлою»¹⁰.

Из сопоставления этих описаний можно увидеть, что если и существовала разница в устройстве стихарей диаконских и причетнических, то эта разница состояла в ценности материала и в богатстве украшений, что же касается формы или покроя, то они почти ни в чем не отличались.

Со второй половины XVII столетия в наших исторических документах встречаются замечания о том, что патриаршие певцы в торжественных случаях при богослужении надевали «большие стихари», которые несомненно противопоставлялись обыкновенным, или «малым» стихарям. Под «большими стихарями» нужно понимать стихари, во всем сходные с диаконскими. Эти факты, а также то обстоятельство, что в актах Московского Собора 1674 года, установившего и определившего самым подробным образом «предзакония чести»¹¹ для каждого чина в духовной иерархии, ни словом не говорится об усвоении чтецам, певцам или низшим клирикам вообще стихаря как богослужебного одеяния, красноречиво свидетельствует, что стихарь стал на Руси богослужебным одеянием низших клириков гораздо раньше, чем он появился официально в 1677 году в «чине на поставление чтеца и певца»¹². На упомянутом Московском Соборе уже и не было никаких сомнений относительно этой чести для низших клириков.

В XIX веке в нашей Церкви установился обычай изготавливать стихари для алтарников без крестов на оплечьях, «так как это является не стихарем в собственном смысле слова, а стихареподобной одеждой»¹³.

Оплечья, подольники и зарукавья

Чтобы иметь представление о древнейшей форме диаконского стихаря, следует обратиться к графическим памятникам того времени. Одним из них является Менологий (месяцеслов) императора Василия II Македонянина. В нем мы находим святых диаконов Аммона (1 сентября), Авива (6 сентября), Севоя (13 ноября), Викентия (22 сентября)¹⁴ и других. Они изображены в диаконских стихарях, которые представляют собой белую тунику, облегающую все туловище, но не доходящую до пят, с короткими рукавами. Из-под стихаря видны

8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I, прилож. — СПб., 1876. — С. CLXXXIX.

9. Там же. С. LXIII.

10. Там же. С. LX.

11. Христианское Чтение, 1883, кн. I, С. 162.

12. Чиновник архиерейского священнослужения. — М., 1677. — С. 282.

13. Булгаков С. В., прот. Настольная книга для священноцерковнослужителей. Часть 1. — М., 1913. — С. 745

14. Успенские М. и В. Лицевой месяцеслов греческого императора Василия II, сентябрь-октябрь. — СПб., 1902. — С. 6, 19, 35, 65.

Божественная Литургия.
Ангел Господень с потиром
Фрагмент фрески монастырь Дионисиат, Афон

длежностью старинных диаконских стихарей ни в Греции, ни на Руси. В Менологии есть изображения диаконов в стихарях без всяких полос¹⁶.

Важным элементом украшения стихарей были оплечья — вставки из другого, как правило, более дорогого материала вокруг ворота, а также подольники и зарукавья — такие же вставки по подолу и на рукавах. Шить стихари обязательно с проймами по бокам и с оплечьями, подольниками и зарукавьями из материи другого цвета — устойчивая традиция Русской Православной Церкви. Отступление от этого обычая считалось ревнителями старины нарушением «чина церковного» и даже «правил церковных» и «закона».

В 1619 году митрополиты Матвей Казанский, Иона Крутицкий и архиепископ Иосиф Рязанский укоряли Патриарха Иерусалимского Феофана: «ризы де на твоём архимарите не по чину: оплечья у них, ни подольников нет, а у стихаря також оплечья нет, ни подпазушных проймов, а у нас в правилех писано вашегож греческого закона: стихарь есть истканная препряда, на небеси благодарение Его с нами; недошитое подпазушье — ребренная язва, а оплечие — рана батожная. Запястье есть, имже бе связан: руце бо Его напред связаша»¹⁷.

Митрополиты имели в виду толкование на чин Литургии, ошибочно приписываемое Патриарху Иерусалимскому Софронию: «Стихарь так называется потому, что в нем пребывает благодать Божия, и изображает собою плоть Христову, будучи бел, как и плоть человеческая. В нем есть и разрезы (μασχάλας) под рукавами в знамение прободенного копием ребра Христова. Обшивки (λώρα) на рукавах означают узы рук Христовых, в которых отвели Его к Анне и Каиафе, ибо не сзади, а спереди связали Его. Оплечье (ἀνακολαφή) стихаря служит вместо пояса»¹⁸.

Прекрасная предусмотрительность МОСКОВИТОВ

В этой традиции просматриваются причины практического характера, которые заметил наблюдательный путешественник архидиакон Павел Алеп-

рукава и подол нижней одежды — иматия, и его ворот, так как стихари имели достаточно широкий разрез около воротника. Стихарь отличается от камисия длиной подола и рукавов, и большим объемом (камисий уже).

Полос из галуна вдоль подола, от которых некоторые исследователи производят название «стихарь» (στήχος — полоса, строчка)¹⁵, мы не наблюдаем — они не были необходимой прина-

15. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I, пол. II. — М., 1904. — С. 217.

16. Успенский М. И., Успенский В. И. Лицевой месяцеслов греческого императора Василия II, сентябрь-октябрь. — СПб., 1902. — С. 19, 35, 65.

17. Чтения общества любителей исторических древностей при Московском Университете. Кн. II, отд. II. — М., 1883. — С. 166.

18. Писания св. отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. I. — СПб., 1856. — С. 272.

Божественная Литургия.
Ангел Господень с рипидами
Фрагмент фрески монастыря Дионисиат, Афон

пский. Он удивлялся обычаю устроить стихари с оплечьями, восторгался практичностью и даже обещал перенести эту традицию в Антиохийскую Церковь. «Стихари у русских имеют четыре надставки из иной материи, чем та, из которой они сделаны, именно: рукава, четырехугольное оплечье и подол внизу. Стихари, так сшитые, очень красивы... У стихарей, надеваемых в большие праздники, рукава и заплечья обыкновенно бывают или унизанные жемчугом, или густо вышитые золотом. Таким же образом украшаются и надставки на праздничных фелонях. Они щеголяют шитьем, украшениями из жемчуга и драгоценных камней и маленькими образками среди шитья на этих надставках, приводящих ум в удивление. Таковы облачения не только в земле москвитов, но и во всей стране казаков. Прекрасная предусмотрительность! Как часто остаются у нас обрезки материи и готовые кафтаны, которых не хватает на целый стихарь, фелонь или саккос. Если бы сшить из них по упомянутому образцу, как я поступил со своими стихарями, и надставить рукава, оплечья и подола из другой материи, то хватило бы и было бы красивее, как вы это увидите, если доживем»¹⁹. То есть из-за нехватки достаточного количества богатых тканей, стоивших в древности невероятные деньги (такие ткани продавались на вес золота), а особенно исходя из практики перешивать мирские одежды на духовные, о чем и упомянул Павел, удобным выходом из создавшегося положения и является пошив облачений из двух (а иногда и более) разных отрезков ткани.

В том же XVII веке по нижнему краю стихаря еще идет широкая полоса из ткани (парчи, или просто контрастной к общей ткани стихаря), а с XVIII века по подольнику появляется и вышивка — до этого вышивались только оплечья и зарукавья. Из-за этого полоса поднимается на уровень вышивки (15–20 сантиметров от нижнего края), где традиционно и находится до настоящего времени.

Облече бо мя в ризу спасения

Можно продолжить описания пышно украшенных стихарей, которые создавались в более позднее время, однако в целом стихарь существенно не менялся, да и не столько пышность облачений, сколько их соответствие своей основной задаче должно быть для нас главным: «великолепием

богослужбных одежд возбуждать в молящихся благоговение к Вышнему Существу, пред лицом коего стоим мы во храме, и, под кровом чувственных вещей, изобразив тайны небесные и сокровенность непостижимого, тайно руководствовать нас от видимого к невидимому, от вещественного к духовному»²⁰.

иерей Дионисий Хропот

19. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М., 1898. — С. 201–202

20. Воскресенский Иаков, прот. О Церкви, службах и облачениях церковных. — СПб., 1821. — С. 103.

ЖИВОПИСЬ ИГЛОЙ

Швейный цех
художественно-производственного предприятия
«Софрино» Русской Православной Церкви

Для тех, кто не понимает красоту горнего мира, обилие украшений в храме зачастую становится соблазном. Трудно — а может быть, и не всегда хочется, — понять, что пышность и богатство православного богослужения являются отблеском славы того Небесного храма, в котором вся Церковь предстоит своему Господу. Украшения в храме — больше, чем украшения, они помогают отвлечься от земного и являют небесное. Но сколь бы ни были прекрасны произведения церковного искусства, с неба они все-таки не приходят, а создаются здесь, на земле, людьми.

42

«Я очень жалею, что с того времени не осталось образцов», — вспоминает Надежда Семеновна Дрожалина, глава швейного цеха «Софрино», события вот уже четвертьвековой давности. Тогда, 25 лет назад, когда «Софрино» собиралось воедино из нескольких разрозненных мастерских, практически ничего, о чем пойдет речь ниже, не было.

Не было ни двух сотен работников, ни вышивальных

автоматов, ни компьютеров в кабинете художников, ни самого кабинета, ни заказов из-за рубежа — ничего.

Было только 12 человек, которые работали под руководством Владимира Сергеевича Пыхова — его до сих пор вспоминают как прекрасного мастера и удивительно доброго человека, сумевшего создать в коллективе особую атмосферу доброжелательности и взаимного уважения. Тогда кроили обычными ножницами шторную ткань для иерейских облачений, украшали их атласной лентой и неза-

мысловатыми крестами.

Сейчас же в «Соф-

рино» шьют абсолютно все: от подряника до патриаршего саккоса, от скромных скуфеек до изысканных митр.

Но именно в силу того, что «Софрино» делает все, интересовать нас будет лишь некоторое, но зато самое сложное и дорогое — лицевое шитье, орнаментальная вышивка и вообще изображение на ткани.

Возрождение традиций

Церковное шитье, как и другие виды церковного искусства, мы восприняли у Византии. И поначалу, в домонгольский период, на Руси не отходили от традиций византийского шитья — в Киеве и Новгороде первые

монахини из русских княжон подражали мастерицам Константинополя. Однако уже с конца XIV века, со времени расцвета московской иконописной школы, основателями которой были Феофан Грек, преподобный Андрей Рублев и Даниил Черный, русское церковное шитье стало вполне самобытным.

В XV веке золотное шитье уступает место более сложному и приближенному к иконописи шитью цветным шелком с незначительным использованием серебряных и золотых нитей. А XVI век — это вершина церковного шитья в России. Достигнуть уровня произведений мастерских Анастасии Овиной, Соломонии Сабуровой, Евфросинии Старицкой, Ирины Годуновой позже никогда уже не удавалось.

С XVII по XX век искусство церковного шитья переживало упадок, как, впрочем, и иконопись... Сложнейшая виртуозная техника утрачивалась, гениальная иконография шитых изображений становилась все более скромной, провинциальной, «народной», даже примитивной. Исчезал интерес, исчезали мастерские. В русских светлицах становилось все темнее и темнее, однако в конце XX века Господь даровал нам вместе с возрождением Русской Церкви и возрождение русского церковного искусства.

Светлица XXI века

Любое изображение на ткани проходит несколько этапов развития, из которых первые — «доиглолочные». И потому, прежде чем заглянуть в машинный цех — преемник древнерусских светлиц, — следует зайти в кабинет художников.

Именно здесь создаются образы, воплощение которых мы позже видим на ткани. К примеру, для интересующего нас машинного цеха первона-

Фото Д. Матвеева

чальное изображение, прорись, создается старинным дедовским методом — карандашом на бумаге.

Когда мы с фотографом нарушили чисто женское сообщество софринских художниц, на столе лежал эскиз орлеца для Святейшего Патриарха. Размеры эскиза впечатлили: два на два метра. После окончательной доработки с прориси сделают «сколок», то есть перенесут контуры изображения с бумаги на ткань в виде цепочки дырочек с интервалом в несколько миллиметров. Непосредственно с этой тканью будет работать вышивальщица.

Машинный цех, в котором работают вышивальщицы, оборудован простыми швейными машинками, у которых отключен

механизм тканеподачи — ткань приходится двигать руками, постепенно заполняя пустое пространство стежками необходимого цвета.

Подобный вид вышивки возник одновременно с появлением самих швейных машинок и актуален до сих пор. Конечно, ему не потягаться с ручной работой, хотя бы потому, что из всего многообразия швов машинка может выполнять лишь гладьевый, да и тот делает гораздо небрежнее златошвейки. Но зато машинкой получается намного быстрее.

Мастера цвета

Посмотрим теперь, как работает мастерица на дому. Получив заказ в виде, скажем, черно-

белой прориси, вышивальщица сначала продумывает цвет ткани и цвета ниток, которыми будет работать. Потом берет натуральное шелковое полотно и красит его натуральными же красителями, причем несколькими сразу, для получения сложного благородного оттенка. Все это очень долго и трудоемко, и все это делается вручную.

Затем берутся белые шелковые нитки и тоже красятся. Дело в том, что стандартные цвета, предлагаемые сегодняшними заводами, слишком кричащие.

В качестве основного фона их использовать невозможно, разве что в отделке.

Подготовительный этап закончен, есть ткань и есть нитки, начинаем вышивать и вдруг видим, что подобранные цвета ниток откровенно не сочетаются с цветом ткани. Чтобы избежать подобных неприятностей, некоторые современные вышивальщицы работают по белому шелку; но профессионал, конечно, снова будет подбирать цвета и снова красить.

Сам процесс вышивания — это исключительно творческая работа, у каждого мастера она происходит по-своему. Одинаковы лишь некоторые технические моменты: вышивают только при дневном освещении и не более четырех часов подряд, иначе очень быстро портится зрение.

Сроки выполнения индивидуальных заказов весьма приблизительны. Иногда для создания вышитой иконы размером 30×30 см может хватить и месяца, а для изображения 10×10 см срок в полгода может оказаться недостаточным. В общем, ручная работа отличается от машинной и по срокам исполнения, и по цене в 5–10 раз. Куда отдавать свой заказ: в машинный цех или надомнику, — выбирает заказчик. Благо, что сейчас есть сама возможность такого выбора.

Машины на службе Церкви

У нас остался еще один цех, самый скоростной и шумный вышивальный цех «Софрино». Работникам этого цеха не нужен солнечный свет — у них не портится зрение, и не нужен отдых — они никогда не устают. Это вышивальные автоматы южнокорейской фирмы SunStar Precision, стоящие в самом безлюдном швейном цехе.

Пять этих машин отличаются друг от друга количеством вышивальных блоков, каждый из которых работает сразу несколькими иглами. Чтобы посмотреть, как ведут себя нитки на данной ткани, как сочетаются цвета, как ложатся стежки, вышивают сначала один пробный экземпляр. Если образец хорош, то программу переносят на восьмиголовочный аппарат, и он одновременно выполняет восемь одинаковых изображений.

Машины отличаются и размерами рабочего поля. На той, у которой поле маленькое,

Фото Д. Матвеева

Фото Д. Матвеева

можно, например, вышивать золотом кресты для священнического облачения. После вышивки кресты аккуратно вырезают и пришивают к готовой фелони. Ну а составляя задание для машины с большим полем — метр на метр — можно проявить гораздо больше фантазии.

Автомат может вышивать и золотом, и цветным шелком, поэтому мастер, создавая образ или орнамент, почти не заботится о технической стороне его реализации. Он работает как художник, но только, конечно, на компьютере, а уже вышивальные программы Urfinus и Expiens переводят его труд на язык корейских машин. Получив от художника дискету с координатами и цветами точек, автомат на некоторое время задумыва-

ется, производя необходимые вычисления, а после этого начинает быстро-быстро вышивать.

Преимущества машины понятны: четкий графический рисунок, большой тираж, ясно вышитые буквы, симметричный орнамент. Что же касается иконных ликов, то тут автомат проигрывает человеку. Впрочем, новокупленный гигант с труднопроизносимым названием SWF/B-WQ1206(X)-100, кажется, готов помериться силами по крайней мере с вышивальщицами на машинках.

Настоящие вещи

После рассмотрения бесконечных стадий и процессов: процесса создания образа, процесса вышивания на машинке, процесса вышивания на автомате,

процесса «сборки» облачения и других — очень хотелось взглянуть на уже готовые вещи.

Когда вы видите пару дюжинок очень дорогих митр, три десятка облачений, покровы, хоругви, плащаницы, всего много и все сразу, то от этого изобилия начинает кружиться голова.

А еще вам объяснят, что все это лишь продукция «массового производства». В то время как *настоящие вещи*, вершины мастерства, произведения искусства, на витринах не увидать. Их делают в единственном экземпляре, по спецзаказу. Так что глядя на витрины, знайте, что это — далеко не предел возможностей софринских швейных мастерских.

Александр Шитлин,
3 курс МДС

Мудрый простец

46

Один из самых известных и авторитетных в Греции духовников, архимандрит Порфирий (Байрактарис; †1991) — старец, обладавший очевидными дарованиями Святого Духа.

Уже в семилетнем возрасте, успев закончить только первый класс общеобразовательной школы, он был вынужден работать вдали от дома для пропитания своей семьи, а в двенадцать лет, вдохновившись житием преподобного Иоанна Кавсокаливита, тайно ушел на Святую Гору. По промыслу Божию он попал в скит Кавсокаливии, где в полном послушании у двух старцев провел семь лет — время, которое он всегда считал самым счастливым в своей жизни. Присутствуя однажды в храме, он получил от Бога обильную благодать, дар непрестанной молитвы и прозорливости. Вскоре по причине тяжелой болезни он вынужден был оставить Афон, но эти дарования не покидали его в течение всей жизни.

У себя на родине, на острове Эвбея, он поступил в монастырь святого Харлампия, где вопреки своему желанию был рукоположен в иеромонаха и поставлен духовником. Весть о батюшке-сердцеведе (а было ему тогда всего лишь около двадцати лет) быстро распространилась в народе. В очереди к нему на исповедь люди стояли и днем и ночью, так что поначалу он по двое суток не находил времени даже для еды. После пятнадцати лет духовничества на Эвбее иеромонах Порфирий был взят служащим священником в одну из центральных больниц Афин, где в течение тридцати трех лет скромно и незаметно нес служение духовника и утешителя скорбящих. После двадцатичетырехлетнего пребывания старца в уединении в скиту недалеко от Афин, он организовал женский монастырь Преображения Господня, где двенадцать лет был наставником сестер. Почил он на Святой Горе в своей келье в Кавсокаливии, куда вернулся за несколько месяцев до своей блаженной кончины.

Предлагаемая вашему вниманию беседа входит в число его наставлений духовным детям, где он в простой форме излагает свой богатый духовный опыт. Книга, включающая в себя беседы и автобиографию старца, стала очень популярной в Греции.

Благодаря своим достоинствам и широкой известности отца Порфирия, она пользуется особым авторитетом в монашеской среде, так что ее даже читают в монастырях за братской трапезой. Беседы старца просты, иногда он может повторять уже высказанную им мысль (что вполне оправдано в жанре беседы), однако это та идущая от сердца мудрая простота, которая вкупе с почивающей на нем благодатью трогает слушателей, увлекает их к подражанию, уча вере, молитве, любви. В своей беседе о молитве он говорит: «То, что сейчас происходит, когда я с вами разговариваю, не есть ли также некий вид молитвы? Ибо я говорю от сердца, и мы переживаем радость и великую любовь к Богу. Если же это не так, то как объяснить эту великую любовь?» Беседы отца Порфирия, которые он произносил уже в преклонном возрасте, проникнуты безграничной любовью к Богу и ближнему, истинным смирением и великой мудростью. В этом отношении его поучения местами походят на послания Иоанна Богослова и писания старца Силуана Афонского, где за простыми словами скрывается великая сила убеждения, пережитые на опыте истины, напрямую говорящие к сердцу читателя.

*иеромонах Леонтий (Козлов),
преподаватель МДА*

старец Порфирий Кавсокаливит

Велия благочестия тайна

Церковь безначальна, бесконечна, вечна¹, как и основатель ее, Троичный Бог, безначален, бесконечен, вечен. Церковь нетварна, как и Бог нетварен. Она существовала прежде веков, прежде ангелов, прежде творения мира. Она есть божественное учреждение, и в ней живет всякое исполнение Божества (Кол. 2:9). Она есть выражение многообразной премудрости Божией. Она есть таинство таинств. Она была сокровенна и явилась в последние времена (1 Петр. 1:20). Церковь остается непоколебимой, ибо укоренена в любви и в премудрости Божией.

Вечную Церковь составляют три Лица Святой Троицы. С самого начала в замысле и любви Троичного Бога существовали ангелы и человеки.

Любовь Божия сотворила нас по образу и по подобию Его. Он поместил нас в Церкви, хотя и знал о нашем будущем отступлении. Он сделал для нас все, чтобы и нас сделать богами по благодати. Несмотря на это, мы, употребив свою свободу во зло, потеряли древнюю свою красоту и были отсечены от Церкви. Вне Церкви, далече от Святой Троицы мы потеряли рай, потеряли все. Но вне Церкви нет спасения, нет жизни. Поэтому милостивое сердце Бога Отца не оставило нас вне любви и Он снова открыл для нас двери рая.

Елицы во Христа креститесь,
во Христа облекостесь

В божественном воплощении Единородного Сына открылся людям превечный замысел Божий о спасении человека. Апостол Павел говорит Тимофею: *и беспрекословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе* (1 Тим. 3:16).

Бог по Своей безмерной любви снова соединил нас со Своей Церковью в лице Христа. Вступая в нетварную Церковь, мы приходим ко Христу, приобщаемся нетварному. Иными словами, мы, вер-

ные, призываемся стать нетварными по благодати, стать причастниками божественных энергий, приобщиться тайне Божества, подняться над своим мирским мудрованием, умереть для «ветхого человека». Жизнь в Церкви — жизнь во Христе. Это очень тонкий момент, мы не можем этого сразу понять. Только Дух Святой может научить нас этому пониманию.

Глава Церкви есть Христос, а тело — мы, люди, христиане. Апостол Павел говорит: *Он есть глава тела Церкви* (Кол. 1:18). Церковь и Христос — одно. Тело не может существовать без головы. Тело Церкви питается, освящается, получает жизнь от Христа. Он есть Господь, всесильный, всеведущий, вездесущий и все исполняющий, Утверждение наше, Друг наш, Брат наш. Он есть Альфа и Омега, Начало и Конец, Столп и Утверждение Церкви. Без Христа Церковь не существует. Христос есть Жених, а каждая душа — невеста.

Кто молится лишь о себе,
совершает большую ошибку

Христос соединил тело Церкви с небом и землей. С ангелами, людьми и всеми созданиями, со всем творением Божиим. Со всеми зверями и птицами, с каждым малым полевым цветком, со всяким малым насекомым. Так Церковь стала исполнением *исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1:23), то есть Христа. Все во Христе и со Христом, внутри Христа и вместе с Ним. В этом заключается тайна Церкви.

Главное — войти в Церковь. Соединиться с братьями нашими, с радостями и бедами всех, переживать их как свои собственные. Молиться за всех, болеть душой за их спасение, забывая себя. Делать для них все, как Христос для нас. В Церкви мы становимся едино с каждым несчастным, страдальцем и грешником.

Никто не должен стремиться к собственному спасению без того, чтобы спаслись и другие. Если кто молится лишь о себе, совершает большую ошибку. Нужно всех любить и молиться, чтобы никто не погиб, чтобы все вошли в Церковь. Вот это имеет цену. И именно с таким стремлением должно оставлять мир, чтобы пойти в монастырь или в пустынное уединение.

1. Прокомментировать это утверждение старца Профирия с точки зрения систематического богословия редакция планирует в одном из следующих номеров. — Прим. ред.

Рисунок иеромонаха Анастасия,
монастырь Кутлумуш, Святая Гора

В полном послушании у двух старцев он провел семь лет — время,
которое всегда считал самым счастливым в своей жизни.

Истинными христианами мы являемся тогда, когда глубоко ощущаем, что являемся членами таинственного тела Христова — Церкви, соединенные постоянной связью любви. Поэтому Христос просит в молитве Своего Отца, говоря: *да будут едино* (Ин. 17:22). Он говорит об этом неоднократно, и апостолы Его везде это подчеркивают. В этом — огромнейшая глубина, величайший смысл Церкви.

Смерть, где твое жало?

Церковь — это жизнь во Христе. В Церкви не существует смерти, не существует мучений. Господь говорит: *кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек* (Ин. 8:52). Христос упраздняет смерть. Тот, кто входит в Церковь, спасается, становится вечным. Жизнь одна, она никогда не завершится, она не имеет конца и смерть не существует. Кто следует заповедям Христовым, тот никогда не умирает. Он умирает плотью, для страстей, и в этой еще жизни сподобляется жить в раю — в Церкви, а затем уже и в вечности. Благодаря Христу смерть становится мостом, который

мы в какой-то момент перейдем, чтобы продолжить жить в невечернем свете.

В Церкви, где есть спасительные Таинства, не существует отчаяния. Мы можем быть очень грешными, однако мы исповедуемся, священник читает нам разрешительную молитву, и таким образом мы получаем прощение и приближаемся к бессмертию.

Когда мы возлюбим Христа, то станем жить Его жизнью. Для нас не существует никакой боязни — ни смерти, ни дьявола, ни мучения. Все это существует для людей, которые далеки от Христа. Если мы придем в меру, чтобы переживать радость, любовь, служение Богу без всякого страха, то начнем говорить: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20). И никто не препятствует нам приобщиться этой тайне.

Рай начинается отсюда

Служа Богу, живешь в раю. Если познаешь и возлюбишь Христа, живешь в раю. Христос — это рай. Рай начинается отсюда. Церковь есть рай на земле, во всем подобный тому, который на небесах. Тот

же самый рай, который есть на небесах, есть и здесь на земле. В нем все души едины, как Святая Троица есть три Лица, но они едины и составляют одно.

Главная наша забота — посвятить себя Христу, соединиться с Церковью. Вступая в любовь Христову, мы вступаем и в Церковь. Если мы не войдем в Церковь, если не станем едины со здешней, земной Церковью, есть опасность, что потеряем и небесную. И когда мы говорим «небесную», не думайте, что в иной жизни мы найдем сады с цветами, горы, воды и птиц. Нет там земных красот, там есть нечто иное, очень высокое, но чтобы прийти к этому, мы должны пройти через земные образы и красоты.

Чтобы сохранить наше единство, мы должны оказывать послушание Церкви, ее епископам. Слушая Церковь, мы слушаем самого Христа. Христос хочет, чтобы мы были единым стадом с одним пастырем. Надо переживать за Церковь и сильно любить ее. Не будем верить осуждающим священство. Даже если мы собственными глазами увидим нечто недолжное, совершаемое каким-либо священнослужителем, не будем этому ни верить, ни думать об этом, ни передавать другим. То же самое относится и к каждому человеку. Все мы есть Церковь. Те, кто осуждает Церковь за ошибки ее представителей, сами делают большую ошибку. Они не любят ни Церковь, ни, конечно, самого Христа. Мы тогда любим Церковь, когда своей молитвой обнимаем всякого ее члена и делаем то, что делает Христос. Жертвуем собой, совершаем бдения, делаем все так, как Тот, Который будучи злословим, не злословил взаимно, страдая, не угрожал (1 Петр. 2:23).

Будем внимательны и к исполнению требований устава. Будем участвовать в Таинствах, особенно в Таинстве Божественного Причащения. В нем заключается Православие. Христос дает Себя Церкви через Таинства, и главным образом — через Таинство Божественного Причащения.

Любовь и «набожность»

Наша религия есть религия, данная в откровении, настоящая и истинная. Прочие религии — человеческие, пустые. Они не знают величия Троичного Бога. Не знают, что наша цель, наше предназначение — стать богами по благодати, уподобиться Троичному Богу, стать едиными с Ним и между собой. Самая конечная цель нашей веры — да будут все едино. В этом находит свое завершение дело Христово.

Однако для многих наша вера представляется подвигом, борьбой и смятением. Поэтому многих из «набожных» они считают несчастными, видя, в каком тяжелом положении они находятся. И это действительно так. Если кто не постигнет глубины нашей веры и не прочувствует ее, вера приводит

его к болезни, причем страшной болезни. Такой страшной, что человек теряет контроль над своими действиями, становится безвольным и ослабленным, испытывает смятение и беспокойство и поступает по внушению злого духа. Он творит поклоны, плачет, вопиет, якобы смиряется, но все это «смирение» есть действие демонов. Некоторые из подобных людей переживают веру как некий вид наказания. Кладут посреди церкви земные поклоны, часто крестятся, говорят: «мы грешны, недостойны», — а как только выйдут из храма, начинают хулить божественное, если кто-нибудь побеспокоит их хоть в малом.

На самом деле, христианская вера изменяет человека и исцеляет его. Но основным условием постижения человеком истины является смирение. Эгоизм помрачает ум, запутывает его, приводит к заблуждению, к ереси. Очень важно, чтобы человек познал истину.

Те, кто отвергает эту истину, больны душевно. Они как больные дети, которых не воспитывали родители, имеют трудный характер и неприкаяны. И в ереси идут все запутавшиеся. Запутавшиеся дети запутавшихся родителей. Впрочем, все эти запутавшиеся и неприкаянные обладают некоторой силой духа и упорством и достигают многого. Они подчиняют себе нормальных и тихих людей, ибо оказывают влияние и на других себе подобных и даже приобретают в мире численное превосходство, поскольку таких людей больше и они находят себе сторонников. Есть и другие, которые, хотя и не отвергают истину, но запутались и больны душевно. Грех приводит их в это состояние. Такая путаница не разрешается ничем, и только свет Христов разрешает ее. Первый шаг делает Христос. *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные* (Мф. 11:28). Затем мы, люди, принимаем этот свет своим добрым произволением, которое мы выражаем своей любовью к Нему, молитвой, участием в жизни Церкви и Таинствах. Ведь зачастую ни труд, ни поклоны, ни крестные знамена не привлекают благодать. Очень важно избегать формальности и проникать в суть.

Любить — означает всегда жертвовать собой. Все, что делается по принуждению, душа отвергает, противодействует этому. Любовь привлекает благодать Божию. Когда придет благодать, приходят и дарования Святого Духа. *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22–23). Вот что должна иметь здоровая о Христе душа.

*перевод с новогреческого
преподавателя Московской духовной академии
иеромонаха Леонтия (Козлова)
по изданию Γέροντος Πορφύριου Κανσοκαλιβίτου.
Βίος και Λόγοι. Γερά Μονή Χρυσόπηγης.
Χαλιά 2003*

Вопросы издалека

Православный образовательный видеоканал «Покров»

50

Когда в стенах Московской духовной академии во время чтения лекций стали появляться видеокамеры, это поначалу не вызвало особого удивления и не привлекло внимания, так как сюда довольно часто приезжают с телевидения. Но постепенно среди студентов и преподавателей стали говорить о том, что съемки ведутся для не совсем обычных целей. Прозвучали загадочные слова: «дистанционное обучение». Что же это такое?

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Учебным комитетом при Священном Синоде с 1 сентября 2003 года для студентов духовных учебных заведений Русской Православной Церкви введена система дистанционного обучения.

Лекции ведущих преподавателей Московской духовной академии и других вузов записываются, а потом через спутниковый канал транслируются для

других семинарий-участниц проекта. Техническую часть проекта обеспечивает компания СТВ (www.stv.su) — разработчик системы спутникового интернет-телевещания.

Первоначально планировалось пускать передачи в прямом эфире, но со временем стало ясно, что не всем семинариям это удобно. В Коломенской и Белгородской семинариях наши лекции предпочитают показывать студентам в записи во внеучебное время, а в Смоленском духовном училище их ставят в учебную сетку. Впрочем, имеется и удачный опыт прямых эфиров, использующий замечательную возможность интерактивного общения: с большим интересом была воспринята лекция по апологетике профессора Алексея Ильича Осипова в мае 2005 года, во время которой желающие задавали вопросы через интернет и по телефону. Особую активность в этом проявили студенты Белгородской духовной семинарии. Это и неудивительно — всем известно, сколько сил и внимания ректор семинарии, архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, уделяет тому, чтобы будущие миссионеры владели всеми современными технологиями.

Возникла и неожиданная проблема — психологический «комплекс видеокамеры» как у лекторов, так и у студентов. Многие отмечали

скованность и неудобство от того, что в рабочую обстановку лекции внедряется «инородный» предмет, который отвлекает внимание и стесняет. Прошло какое-то время, пока и преподаватели, и студенты привыкли к камере, постепенно разрешились вопросы и недоумения. Самое главное, стало ясно, что съемка на видео вовсе не предполагает стопроцентной отточенности и безупречности лекций. По ту сторону экрана находятся такие же живые люди, которые хотят ощущать естественность атмосферы происходящего, и поэтому шутки преподавателей, смех студентов, вопросы из зала, интересные отступления от темы только оживляют просмотр, не дают студентам задремать. Остается вопрос, необходимо или, наоборот, излишне видеоприложение к лекции? Что удобнее: слушать запись в mp3-плеере или сидеть у экрана, смотря на «говорящую голову»? Это, конечно, дело вкуса и привычки, но оказалось, что многим легче воспринимать лекцию, если они имеют возможность видеть глаза преподавателя, его мимику и жесты.

Вскоре стало ясно, что система дистанционного обучения вышла за рамки первоначального плана, так как в число абонентов постепенно стали входить и частные пользователи. Потребовалось расширение вещания в сторону катехизаторских и миссионерских тем, и в связи с этими изменениями систему дистанционного обучения переименовали в «Православный образовательный видеоканал „Покров“». С лета 2005 года в сетку вещания были включены православные документальные фильмы и курсы повышения квалификации педагогов по предмету «Основы православной культуры». Ведутся переговоры о трансляции художественных фильмов, а также передач радио «Радонеж». Для того, чтобы передачи приносили наибольшую пользу, планируется создание видеофондов на местах: семинария, или церковный приход, или любой другой абонент системы хранит у себя базу файлов с лекциями и фильмами — целую видеотеку для студентов и прихожан, которая удобна для миссионерских и катехизаторских целей. В Московской духовной академии такая видеотека уже существует, и кроме того, что каждый студент может скопировать себе интересующую его лекцию, планируется оборудовать класс, в котором во внеучебное время можно будет посмотреть трансляции видеоканала «Покров».

Пока зона охвата спутника позволяет вести трансляцию только на Европейскую часть России. Но уже ведутся переговоры о расширении сектора вещания и о включении Сибири и Дальнего Востока, что позволит охватить отдаленные епар-

Благодаря этой видеокамере мэтрам богословской науки теперь могут задать вопросы не только студенты столичных семинарий, но и учащиеся епархиальных духовных школ.

хии и молодые духовные учебные заведения. К примеру, заместитель главного редактора видеоканала «Покров» иеромонах Петр (Еремеев) ведет сейчас большую работу по включению в проект Хабаровской духовной семинарии, где он является проректором.

За последнее время на небосклоне российского телевидения появились и новые звезды — православные телеканалы «Спас» в пакете НТВ+ и «Глас» на Украине. Таким образом, мы имеем уже несколько прецедентов, дающих нам веру в то, что вполне можно конкурировать со светскими телевизионными каналами, показывая красивые передачи, хорошие фильмы, глубокие учебные программы. Надеемся, что под руководством архиепископа Вереяского Евгения, главного редактора видеоканала «Покров», этот проект принесет еще немалую пользу, трудами генерального директора компании СТВ Е. В. Харьбина, а также тех студентов, которые добросовестно несут послушание в Учебном комитете, проводя видеосъемки лекций.

*Петр Каминский, 4 курс МДС,
ответственный секретарь
видеоканала «Покров»*

Школа лидерства

52

В то, что наша поездка на Кипр не мечта, а реальность, мы окончательно поверили только выйдя из самолета и окунувшись в сорокоградусную жару.

Нас тепло встретили, и после беглого осмотра Ларнаки и поклонения гробнице праведного Лазаря мы отправились в путь. Через несколько часов мы уже были в глубине острова, где на склоне живописнейшего горного хребта находится лагерь. Строителям пришлось приложить немало труда, чтобы сделать здесь удобные площадки, на которых расположился храм под открытым небом, столовая, хозяйственные и жилые домики, площадки для игры в футбол, волейбол и баскетбол. Лагерь осеняет большой крест, водруженный на вершине горы. Здесь нам предстояло провести ближайшие шестнадцать дней.

Инициатор создания этого лагеря — протопресвитер Георгий Антониу, настоятель столичного прихода Палуриотисса, наверное, самого большого на Кипре. Его трудами лагерь был основан в 1978 году в высокогорной части острова с прекрасным чистым воздухом. Ежегодно сюда приезжает отдыхать около двухсот кипрских ребятшек. Но целью основания лагеря был не только отдых, но и воцерковление детей, сеяние евангельского слова в их души. Со временем была выработана катехизаторская программа по работе с детьми во время летних каникул. Ознакомление с опытом кипрских коллег и было основной целью нашей поездки.

На следующий день лагерь наполнился звонкими голосами юных киприотов. Все дети были разделены на 7 отрядов, по 10–15 человек в каждом.

Во главе отряда стоит вожатый — опытный педагог, уже не первый год участвующий в работе лагеря.

Чуть раньше семи утра по всему лагерю разносится усиленное репродукторами пение православного детского хора, оповещающее о начале нового дня. Один из вожатых проходит по палаткам с приветствием «Калимера!», приглашая всех на утреннюю зарядку. Сон на свежем воздухе так крепок, что некоторых, еще спящих, детей на руках доставляют на площадку. Затем — общая молитва в храме. После обычных молитвословий читается особая молитва, составленная специально для нужд лагеря: прошения и благодарения Богу связаны с событиями грядущего или прошедшего дня. Помолвившись, все следуют в некое подобие амфитеатра, где читается Евангелие.

Каждый год для лагеря выбирается определенная тема, и проповеди последовательно эту тему раскрывают. В этом году главной темой была евангельская притча о блудном сыне, и каждая проповедь была посвящена ее толкованию. Происходило это так. Каждый день прочитывался лишь один стих из этой притчи, а затем следовало подробное объяснение прочитанного. Проповедники не строили свою речь произвольно — в качестве общих указаний использовался конспект с тезисами, составленный отцом Георгием. Таким образом, принимался во внимание многолетний проповеднический опыт батюшки и каждый проповедник говорил свое живое слово.

Далее — торжественный подъем государственного флага при дружном пении национального гимна. Патриотизм у киприотов воспитывается с детства. Это не в последнюю очередь связано с оккупацией северной части острова Турцией в 1974 году. До сих пор не утихает боль этой трагедии — у многих наших новых знакомых погибли или пропали без вести на захваченной территории родственники и друзья, многие вынуждены были покинуть родные места. Поэтому здесь воспитание патриотизма неразрывно связано с воспитанием в православной вере.

После поднятия флага — завтрак, а затем все участвуют в работах по поддержанию чистоты в лагере. Ребята убирают и выносят мусор, поливают цветы и деревья, приводят в порядок спортивные площадки. После работ и до обеда — свободное время. Каждый может выбрать себе занятие по вкусу — спортивные игры, рисование, шахматы или вылазку в горы. Общий для гостей полдник плавно переходит в дискуссию на запланированную тему. Главное отличие дискуссии от проповеди в том, что в ней принимают активное участие сами слушатели. Здесь обсуждаются различные отрывки из Нового Завета, назидательные рассказы и притчи. Руководит дискуссией вожатый. Он читает предложенный текст, делает небольшое вступление и затем предлагает всем высказаться по затро-

нутой теме. Цель ведущего — добиться, чтобы в обсуждении активно участвовала вся группа; следить, чтобы не было уклонений от основной темы, чтобы обсуждение не заходило в тупик, а участники дискуссии по возможности сами делали верные выводы. Продолжительность дискуссии строго ограничена. «Если ты будешь говорить меньше восемнадцати минут, не все успеют понять тебя, — улыбается отец Георгий, — а если больше двадцати двух — слушатели устанут». Очень непросто контролировать ход беседы, не допускать уклонений от темы, заминок, поддерживать у всех интерес к беседе и добиваться, чтобы тема была раскрыта в ключе Предания. Стало ясно, что для успешного проведения дискуссий необходим немалый опыт. К сожалению, у нас в России почти не встречается собраний, хотя бы в чем-то похожих на такие дискуссии. Общение с пастырями и наставниками происходит в форме проповеди или лекции, слушатели лишь иногда задают вопросы. Но к несению в мире евангельской проповеди призывается каждый христианин, и в процессе подобной дискуссии каждый участник на время становится проповедником.

В лагере не было перегибов с дисциплиной, ведь это, по словам отца Георгия, не тюрьма Аלקатраз. Например, отбой иногда мог продлиться до полуночи из-за затянувшегося волейбольного матча. Наказания в виде лишения права участвовать в развлечениях, паломнических поездках и походах не практикуются. Единственное наказание, которое может применяться к нарушителям дисциплины — это отправка домой, но она, скорее, является наказанием для родителей безобразника.

По воскресным дням в храме совершается Литургия по особому чинопоследованию. Служба длится около часа, все изменения согласованы с правящим архиереем. Умеренная продолжительность службы приносит свои плоды — дети не шумят, внимательно следят за ходом богослужения. В последнее воскресенье смены за Литургией все приступают к принятию Святых Христовых Тайн. Накануне каждой Литургии, в субботу, проводится так называемый «час искренности». Каждый просит прощения у своих товарищей за все нанесенные в прошедшую неделю обиды. Причем это совершается во всеулышание, перед всем лагерем. Как это ни удивительно, но первыми просили прощения, обычно, самые отчаянные сорванцы.

Для нас в течение смены проводились паломнические поездки в местные монастыри (рядом Киккос и Троодос) и древние храмы. В этом году весь лагерь ездил в церковь Арака, где сохранились самые древние фрески на Кипре. После этого всем устроили небольшое угощение в местном кафе. Утреннее восхождение на гору, расположенную километрах в пяти от лагеря и вовсе незабываемо. Неохотно проснувшись в пять утра, мы, однако,

без труда преодолели дорогу и весьма крутой подъем. На вершине читалось обычное утреннее правило, произносилась проповедь, там же устроили небольшой завтрак.

Специально для нашей группы читались лекции по теории лидерства: каким должен быть вожатый, к чему подготовлен, с каким отношением к делу. Мы видели, как прочитанная нам теория реализуется на практике. Шефствующий над старшим отрядом господин Димитрис Димитриу — педагог по профессии. Хотя он намного старше своих подопечных, тем не менее, во взаимоотношениях с ними не чувствовалось отстраненности, дистанции «начальник-подчиненный». Любой мог обратиться к нему как к старшему товарищу. Стало очевидно, что успех лагеря во многом зависит от личных качеств и опыта вожатого. В общении с детьми он сам должен стать отчасти ребенком, войти на равных в мир детей, оставаясь при этом для них авторитетом. К этому, оказывается, способен далеко не всякий. Отец Георгий особое внимание при организации работы лагеря уделяет подбору вожатых. Из многих желающих принимаются только самые

способные. Никакой платы они не получают, более того, зачастую сами несут расходы. Но самая главная жертва — это личное время и силы ради благого дела воспитания детских душ.

Главным итогом поездки стала убежденность в необходимости создания православных катехизических летних лагерей и в России. В условиях лагеря дети легче и глубже воспринимают евангельское благовестие, приобретают элементарные навыки регулярной молитвы, соблюдения постных дней и, что особенно важно, учатся исповедовать свои неправды и грехи, примиряться с ближними.

Из опыта кипрского лагеря видно, что для достижения лучшего результата при работе с детьми помимо энтузиазма необходимо иметь хорошо продуманную и подготовленную программу. Без нее вряд ли можно достичь устойчивых результатов в воспитании. Здесь многолетний опыт православного лагеря на Кипре может стать хорошим подспорьем для организации детских лагерей в нашей стране.

*Виктор Зайцев,
4 курс МДС*

*Протопресвитер Георгий Антониу:
«Если ты будешь говорить меньше
восемнадцати минут,
не все успеют понять тебя,
а если больше двадцати двух —
слушатели устанут».*

Юрий Максимов,
преподаватель Московской духовной академии

Христианская фантастика

В последние годы все чаще встречается словосочетание «христианская фантастика». Что это такое?

Прежде всего — это ярлык. Как и любой ярлык, он допускает превратные трактовки и не отражает всего многообразия того, что им обозначают. Однако, увы, совсем без ярлыков обойтись нельзя. Они помогают ориентироваться в том обилии предметов и явлений, которые нас окружают, и сверять их со своими интересами и предпочтениями.

Что же именно понимается под «христианской фантастикой»? Как правило, речь идет о фантастической литературе, где духовно-религиозные вопросы стоят в смысловом центре произведения и осмыслены с точки зрения христианского мировоззрения.

У многих людей старшего поколения слова «научная фантастика» прочно ассоциируются с атеистическим мировоззрением. Известна, напри-

мер, резкая статья иеромонаха Серафима (Роуза), обличавшая именно эту особенность современной ему фантастической литературы.

Объясняется такое положение вещей, во-первых, тем, что большинство писателей-фантастов XX века действительно были атеистами. В случае СССР нужно помнить еще и то, что произведения фантастов-христиан, в которых те не скрывали своей веры, по понятным причинам в нашей стране не издавались. Вот и возник стереотип, справедливый лишь отчасти — для фантастики определенного периода и определенного круга авторов.

Например, Дж. Р. Р. Толкиен, автор знаменитой трилогии «Властелин колец», был верующим католиком, и, несмотря на неоднозначное отношение к его творчеству среди верующих читателей, христианские мотивы этой книги очевидны.

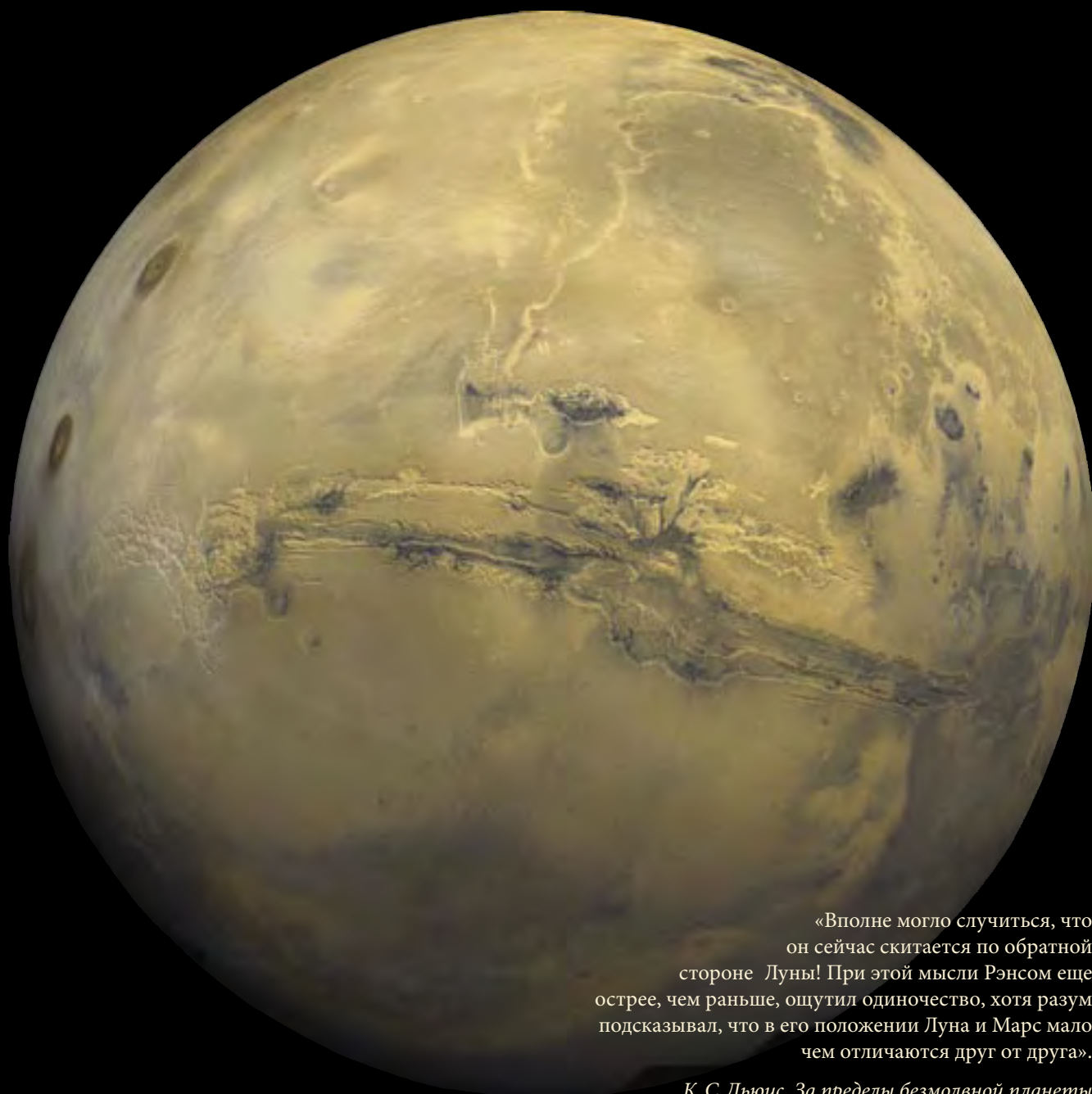
Прежде всего, взглянем на главную мысль произведения — она идет вразрез со всей фэнтезийной традицией после Толкиена. Кольцо есть

образ зла, или греха. Победить зло можно, лишь лично отказавшись от него; зло никогда нельзя использовать во благо. Используя его, ты поддаешься под его власть и только умножаешь общее количество зла в мире.

Следующий глубоко христианский момент в книге—это отношение к врагу. Ненавидимые всеми орки—это изуродованные злом эльфы, некогда прекраснейшие из существ в мире Толкиена. Сеющие ужас назгулы в прошлом были лучшими представителями человеческого рода. Они оказались достойны стать кольценосцами, но не устояли перед соблазном зла и подпали под власть правителя тьмы. Падший Саруман Белый был

одним из Мудрейших... Толкиен учит воспринимать врага сквозь призму его личной трагедии и через это подводит к единственно верному отношению к нему—к состраданию. Несколько раз в трилогии подчеркивается та мысль, что конечная победа добра стала возможной благодаря тому акту милосердия, который совершил Бильбо по отношению к своему врагу.

Но Толкиен не ограничивается указанием на то, что злодей имеет предысторию падения. Враг может покаяться и измениться. Яркий тому пример в книге—Горлум, то же происходит и с Гримой. Еще глубже это выражено в последней сцене с Саруманом, когда Фродо, останавливая друга

«Вполне могло случиться, что он сейчас скитается по обратной стороне Луны! При этой мысли Рэнсом еще острее, чем раньше, ощутил одиночество, хотя разум подсказывал, что в его положении Луна и Марс мало чем отличаются друг от друга».

К. С. Льюис. За пределы безмолвной планеты

от убийства павшего волшебника, говорит: «Нет, Сэм! Все равно убивать его не надо. И уж тем более нельзя убивать, когда он в черной злобе. Ведь он был когда-то велик, он из тех, на кого мы не смеем поднимать руку. Теперь он павший, однако ж не нам судить его: как знать, может, он еще возвеличится...»

Большая заслуга Толкиена состоит в том, что он в своей книге объяснил на понятном для современного человека художественном языке одну из самых трудных для понимания заповедей Христа: заповедь о любви к врагам. И не просто объяснил, но и раскрыл ее величие и мудрость.

Другой английский писатель-фантаст Клайв Стейплз Льюис, будучи по вероисповеданию англиканином, еще более явно говорил о христианских истинах — аллегорически в знаменитых «Хрониках Нарнии» и в ориентированной на более взрослого читателя «Космической трилогии».

Баптистский проповедник Рэй Брэдбери неоднократно обращался к религиозным темам в своем творчестве. «451° по Фаренгейту» заканчивается тем, что люди, оставшиеся на руинах цивилизации, наизусть заучивают Евангелие, чтобы сохранить, передать другим. А рассказы «Человек» и «Огненные шары» в полном смысле слова можно назвать христианской фантастикой.

В золотой фонд мировой фантастики вошел роман Уолтера Миллера-младшего «Гимн Лейбовичу», повествующий о судьбе католической общины в постъядерном мире. Христианином был и классик Клиффорд Саймак, что особенно заметно в романе «Братство Талисмана» и рассказе «Ван Гог космоса». Можно упомянуть также Конни Уиллис и Рафаэль Лафферти, менее известных у нас, но на западе почитаемых как мэтров малой формы фантастики. Я привожу лишь некоторые имена, на самом же деле список христиан-фантастов значительно больше.

Разумеется, почти все англоязычные писатели являлись либо католиками, либо протестантами. Иногда это накладывало специфический отпечаток на то, как именно они говорили своим читателям о христианстве.

Мне известны лишь два православных англоязычных фантаста. Во-первых, это Ник Маматас, американец греческого происхождения, посвятивший рассказ «Время дня» теме умной молитвы. Во-вторых, это канадка Донна Фарли, которая приняла в молодости Православие, а ныне — жена православного священника Лоуренса Фарли. К христианской фантастике можно отнести ее рассказы «Холодные руки, теплое сердце», «Ангел отца Вадима», «Мусорный день в Геенне», где для образа ада писательница возвращается к изначальному смыслу слова «геенна». Как известно, им обозначалась огромная загородная свалка Иерусалима, в которой постоянно тлел огонь. Описано все неве-

роятно динамично и вместе с тем глубоко. Донна Фарли последовательно выстраивает видение ада как «духовной помойки» и через это находит множество новых, незатертых образов.

Безусловно, жемчужиной творчества Фарли на настоящий момент можно назвать рассказ «Прохождение Затмения», посвященный подвигу быть собой и увидеть себя таким, как есть. Фон — далекое высокотехнологичное будущее человечества, пережившего ядерную катастрофу. И — проблема выбора. Обретение веры, обретение себя.

Сама писательница так отзывается о своем творчестве: «Возможно, не все мои рассказы явно религиозны, но невозможно, чтобы моя вера не лежала в основании всего, что я пишу».

Более-менее удачные попытки в написании православной фантастики предпринимаются и в традиционно православных странах: Сербии (Александр Неделькович), Греции (Кириакос Сгарбас), Румынии (Михаэл Хавлика).

Есть такие писатели и в России. О каждом из них было бы интересно поговорить отдельно, здесь лишь перечислим такие заслуживающие внимания произведения, как замечательные повести Виталия Каплана «Юг там, где солнце», Елены Хаецкой «Поп и пришельцы», Далии Трускиновской «Сиамский ангел», Дмитрия Володихина «Огородник и его кот», Максима Яковлева «Блаженны плачущие».

В последнее время среди церковных людей также встретили определенный отклик фантастические романы Юлии Вознесенской. Пару лет назад опубликовал в светском издательстве свой первый фантастический роман «Всемирный полдень» священник Тверской епархии Георгий Белодуров.

Про одни из перечисленных выше произведений можно сказать, что они просто отражают мировоззрение автора, про другие — что в них имеет место явный миссионерский посыл. Фантастика сейчас является одним из немногих жанров литературы, который имеет массового и притом — молодого читателя. Не стоит терять такую возможность для проповеди.

Кстати, нужно признать, что наличие положительной христианской позиции далеко не всегда способствует литературной судьбе произведения в светских изданиях, где по привычке таких тем чураются. Это я могу сказать по собственному опыту. Были примеры, когда в журналах мне отвечали: «Хорошо, но опубликовать с религиозной тематикой не можем, пришлите что-нибудь другое», а в одном издательстве сказали: «Опубликуем книгу, если уберете религию и сделаете героя атеистом», наконец, иногда доводится сталкиваться и с простым непониманием... Но, вместе с этим, если публикации удастся выйти в свет, многие читатели признают, что неожиданно для себя узнали о Православии что-то новое, стали относиться лучше, с большим уважением и интересом.

For ever loved.
For ever dear.
O Russia, sometimes think of him,
Who thought so much of you.

*Эпитафия на могильной плите
адмирала Ивана Григоровича*

По водам семи морей

58

В наше время происходит возрождение отношений между Вооруженными силами и Церковью, заложенных еще до революции. Много дается с огромным трудом. Этим летом, в ознаменование продолжения традиции флотского служения духовенства, между командованием Военно-морских сил России и Русской Православной Церковью было подписано соглашение, по

которому клирики Русской Православной Церкви иерей Александр Федоров, иерей Александр Бондаренко, студенты Московской духовной академии диакон Иоанн Петров, Алексей Харламов, а также автор этих строк приняли участие в средиземноморском походе отряда боевых кораблей Черноморского флота: гвардейского ракетного крейсера «Москва» и сторожевого корабля «Пытливый».

Прибытие

Оказав небольшое сопротивление, дверь микроавтобуса открылась. Видим, что салон под завязку забит вещами и предметами, необходимыми для оборудования походной церкви. С трудом протискиваемся на свободные места сзади.

Машина по пути заезжает на рынок, где мы запасаемся пресной водой. Это необходимо, поскольку в походных условиях пресная вода на крейсере подается только для умывания. По дороге за окном местами видны остатки военных сооружений. Отец Александр поясняет, что это места первой обороны Севастополя. Через полчаса, наконец, прибываем в порт. Два матроса помогают доставить наш большой багаж на борт крейсера.

Неспеша размещаемся в каюте. У стены — невысокие двухъярусные койки. Одна — у входа, а другая — рядом с иллюминатором. Открыв шкаф, с недоумением обнаруживаем крышку от большой кастрюли, какую-то странную — с ручкой внутри. Правда, потом оказалось, что роль кастрюли выполняет иллюминатор, который закрывается крышкой во время светомаскировки.

Из-за предстоящего раннего подъема ложимся не поздно. Кондиционер работал хорошо, и, чтобы не замерзнуть, нам пришлось постоянно держать открытым окно, через которое с моря в каюту попадал теплый воздух.

В пути

Расположившийся на вертолетной площадке военный оркестр играет марш «Прощание славянки». «Пытливый» вышел чуть раньше нас и ушел уже достаточно далеко. «Москва» устремляется вслед за ним. На соседних кораблях выстроились моряки и машут нам бескозырками. На выходе из бухты, у маяка, провожая корабли в поход, тоже стоят люди. Постепенно земля растворяется в туманной дымке, и только когда крымский берег почти исчез из виду, нас догнал вертолет с командующим Черноморского флота России и командиром крейсера на борту.

На море достаточно крепкий ветер и временами сильно покачивает, но уже скоро перестанешь обращать внимание на ходящую под ногами палубу. Наш курс взят на юго-запад, цель — пролив Босфор, Константинополь.

При проходе проливов всегда объявляется предупреждение. Нас об этом известил рано утром своим треском репродуктор: «Боевая тревога!» Когда через пару минут после объявления мы вышли из каюты, то обнаружили, что все переборки задраены. Нам, незнакомым с устройством корабля, пришлось потратить некоторое время, чтобы разобраться, как они все-таки открываются.

По совету одного из офицеров пробираемся на сигнальный мостик. Здесь, с высоты 16-ти метров, открывается прекрасная панорама Константинополя. На древних холмах Царь-града и поныне видны остатки древних крепостей и других оборонительных сооружений.

Вид русских красавцев-кораблей заставляет восторгнуться тихие гавани. Вокруг, словно назойливые мухи, начинают вертеться различные суденышки, рискуя быть раздавленными крейсером.

Наши корабли неспешно проходят два уже ставших известными висячих моста; порт, в котором стоят огромные пассажирские лайнеры, и, наконец, из-за холма показывается Мечта — Софийский собор. Увидев этот храм, первые мгновения не знаешь, что сказать или, даже, что подумать — такое величие исходит от него. Сразу чувствуется живая связь времен. Сам же собор как будто находится вне времени. Становится понятно и восклицание Юстиниана: «Я превзошел тебя, Соломон!» — и восхищение послов князя Владимира. Но пока нам остается только сожалеть, что в этом храме уже более пятисот лет не совершается Литургия.

На борту. Будни

За всеми интересными событиями первых дней нам надо было не забыть главное. Целью нашего пребывания на корабле было оборудование походного храма, в котором планировалось отслужить несколько Божественных Литургий.

6 июля после завтрака приступаем к сооружению походной церкви, для которой нам выделили помещение корабельного музея. Лики вождей революции завешиваются славными Андреевскими стягами. На стенках, поверх серпов и молотов, прикрепляем довольно тяжелые иконы. В середине храма, на пятиконечную звезду, ставим большую подсвечник.

Вечером около десяти часов состоялась первая корабельная радиотрансляция. Ведущий — священник Александр Бондаренко, за режиссерским пультом — Алексей Харламов. На фоне дивных песнопений диакона Сергия Трубачева в исполнении хора Троице-Сергиевой Лавры прозвучали слова о мужестве, чести, доблести. Были упомянуты события из жизни Сократа и некоторых других славных мужей древности.

На обед мы ходим в офицерскую столовую. Если все наши в сборе, поем перед едой «Отче наш». Чтобы поддержать воинскую дисциплину, мы тоже стараемся по возможности ходить в форме — на трапезу обязательно надеваем подтяжки. А южное солнце тем временем палит нещадно. Сами матросы ходят в шортах и рубашках с коротким рукавом. Такая форма одежды называется тропической.

На корме расположились рыболовы. Ловили не для себя, а для кошки. Но, видимо, кошке придется немного попоститься, потому что клевало у них не очень. У ног моряков валялась только одна полуживая рыбешка.

Грустное известие об изменении в походных планах повлекло за собой двухдневную стоянку в открытом море. За это время было осуществлено пополнение запасов топлива и пресной воды с нашего транспорта и была организована баня для личного состава, в том числе и для нас.

Корабельная баня — это уникальное явление. Необычность ее в том, что после парилки прыгаешь в бассейн не с пресной, а с соленой водой. А сам бассейн наполняется срывающейся в него с высоты пяти метров струей морской воды. Банька дала необходимый заряд бодрости и хорошего настроения всему экипажу.

Утром следующего дня к присяге были приведены матросы-новобранцы, которые теперь носят высокое звание гвардейцев.

Неаполь

12 июля, после недельного пребывания в открытом море, произошла долгожданная остановка в порту Неаполя. Неаполь — довольно большой город, хотя и мелковат по сравнению с Москвой. На портовой площади сразу бросается в глаза огромная крепость XIV века (к сожалению, попасть в нее мы не успели). Поводом для нашего схода на берег было

посещение собора святого Ианнуария. Найти его нам помог молодой итальянец, и с его помощью цель была успешно достигнута.

Сложив за спиной, как туристы, руки, заходим. В храме в этот полдень было не очень много людей. Видим, что справа исповедует католический батюшка и справа же от входа замечаем огромную православную икону Успения. Вид у нее очень древний, потемневшие лики.

Повсюду надписи на латыни. Читая их, радостный Леха поминает добрым словом иеромонаха Дионисия (Шленова).

В центре храма сразу заметно, что приделы направлены в стороны, перпендикулярные главному алтарю.

В левом приделе нам предложили взглянуть на мозаики пятого века. Платим студенческие полтора евро и заходим в подклеть. Фотографируемся. На наше замечание о том, что самые древние мозаики датируются шестым веком и находятся в Равенне, экскурсовод лишь разводит руками, что он, мол, по-русски не понимает и по-английски тоже.

В целом, та часть города, где мы побывали, представляет собой большую пешеходную зону. Много фонтанов, сквериков. Во многих местах ведутся раскопки. Маленькие улочки вымощены булыжником. Повсюду жужжат мотороллеры, на которых ездят все, кому не лень. Особенно смешно смотрятся на мотоциклах мужчины в костюмах и при этом со шлемами на голове. Абсолютно не соблюдаются правила движения. В частности, на

зеленый свет мы стояли, а пройти смогли только на красный.

На одной из площадей мы неожиданно наткнулись на Данте Алигьери. Вернее, не на него самого, а на памятник ему.

Помпеи

В день прибытия для экипажа крейсера была организована поездка в Помпеи. По дороге туда на окраинах Неаполя и по выезде из него замечаем огромное количество заброшенных зданий старой постройки. Около одного местечка насчитываем сразу четыре мини-футбольных поля.

Нам очень повезло с экскурсоводом. Невысокий итальянец лет шестидесяти в ковбойской шляпе, с сумасшедшей жестикуляцией и прекрасным русским. Его рассказ был очень интересен.

Помпеи занимают площадь 67 гектаров, примерно 800 на 800 метров, и расположены на возвышении. Для защиты от внешних врагов была сооружена крепостная стена, высотой метров десять. Но беда пришла оттуда, откуда ее не ждали... В первую очередь город сильно пострадал от землетрясения 62-го года от Рождества Христова. Было повреждено множество зданий и разрушен храм Венеры. Жители не успели хорошо восстановить город, потому что через семнадцать лет «заговорил» Везувий и на семнадцать столетий скрыл Помпеи под шестиметровым слоем пепла.

Города почти не коснулось время. Здания стоят как новые, разве что крыш нет. Повсюду ведутся «реставрационные» работы. Видимо, о схожей ситуации сказано у Ильфа и Петрова в «12 стульях» устами великого комбинатора: «чтобы Провал не слишком проваливался!». Умилила фотография печки, в которой нашли сорок окаменевших хлебов. На снимке отверстие печки целое, а мы видели его уже солидно обломанным. Видимо, туристы отламывают себе кусочки древнего города на память.

Во время прогулки замечаем, что жители Помпеи были *как бы особенно набожны* (Деян. 17:22). Повсюду — алтари самым различным богам на все случаи жизни. У входа в «храм» фотографируемся.

А если говорить серьезно, то в Помпеях процветал разврат, о губительности которого, видимо, и поведал несчастным «старик» Везувий. Его слово было очень тяжким, и «сердце» старика не выдержало. Вулкан развалился пополам, и сегодня Везувий почти в три раза меньше, чем был тогда, две тысячи лет назад, в «последние дни Помпеи».

Снова на корабле

Когда берега не видно, самое милое дело взяться за перо. Вот некоторые фрагменты из путевого дневника:

- 14 июля. Утром нами, по слову старпома, был «произведен» молебен.
- Днем прошли мимо острова Монте-Кристо. До него довольно далеко, видно смутно. По левому борту остров Корсика.
- Репетирует оркестр. Звучит траурный марш. Почетный караул отработывает церемонию.
- Первый раз «влипли». Пошли на молебен, а ключи забыли. Вернулись — дверь заперта. Пришлось прибегнуть к помощи линейки и отвертки. Успех был достигнут за минуту.
- Иногда по неясной причине гаснет свет. Чтобы он вновь загорелся, надо спуститься к электрощитку и там сначала двинуть один рычажок вниз, а затем поднять его вверх. Ивана уже шарахнуло один раз током.
- Леху Бог миловал. Пока.

Ментона

Через день после отхода из Неаполя мы, наконец, прибыли в Ментону, на Лазурный берег. За бортом — утро 15 июля. Корабль встал на якорь в двух-трех кабельтовых от берега, потому что Ментона — небольшой курортный город, порт в нем маленький и не подходит для стоянки флагмана Черноморского флота России.

Со дня нашего прибытия к берегам Франции в Ментоне появилась новая достопримечательность — русский крейсер. Вокруг корабля, словно маленькие рыбки, начинают кружиться катерки с пассажирами. Не спеша, они подплывают, но очень близко подойти не решаются. До нас доносится: «Russo! Russo!»

Сообщают, что сход на берег будет не раньше, чем после 14 часов дня. На землю доставка будет только при помощи катера. Сейчас 9 часов утра. Ждем атташе.

В нетерпеливом ожидании хватаем бинокль, через который берег хорошо просматривается. Местность гористая, почти сразу дорога идет вверх. На высоте примерно ста метров видно какое-то кладбище. Оно идет уступами, лесенкой. Вершины прибрежных гор покрыты облаками. Думаю, высота их не меньше километра.

Днем, в 14:00, наконец, оказались на суше.

Утром следующего дня неожиданно возникли проблемы с французской стороны. В первый день посадка на катер велась с «корыта», пришвартованного у левого борта. Но утром «корыто» почему-то оказалось на правом. Всем нам, в том числе и духовому оркестру, пришлось скакать прямо с трапа на ходящий ходуном катер, рискуя свалиться в воду.

Но вот, с небольшими приключениями, экипаж крейсера выстроился на берегу в колонну и под барабанную дробь проследовал с развернутыми знаменами по городу к храму Михаила Архангела, а оттуда — еще выше, на кладбище Трабуке. Цере-

мония на этом кладбище, где проходила передача останков адмирала Ивана Константиновича Григоровича, последнего военного министра царской России, была для нас самым напряженным событием во всей поездке. На небольшой площадке собралось огромное количество людей, среди которых был командующий Черноморским флотом России вице-адмирал Александр Татаринов, командующий Военно-морскими силами Франции Жан-Мари Ван Юфель, представители французской администрации, а также многочисленные корреспонденты. Отслужили литию. Оказавшись на некоторое время в центре внимания, мы, естественно, немного волновались. К счастью, все прошло гладко. После литии состоялось подписание необходимых документов. Согласно завещанию адмирала, его последним пристанищем станет фамильный склеп на территории Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.

Вечером наш хор побывал в гостях у Ольги Николаевны Чириковой, которая лично знала покойного адмирала И. К. Григоровича. Она показала нам свой удивительный фотоальбом, благодаря которому мы смогли немного понять жизнь русских эмигрантов первой волны, переживших трагические события гражданской войны и революции. А еще одним свидетельством многочисленного пребывания русских эмигрантов в Ментоне для нас стала Скорбященская церковь Русской

Православной Церкви Заграницей, расположенная на окраине города.

Домой

Снявшись с якоря, эскадра очень быстро набрала приличную скорость 20–22 узла. Катерки, словно отпущенные с цепи щенята, с радостным визгом бросились нас догонять, с полной уверенностью в успехе. Но очень скоро они убедились, что мы идем гораздо быстрее.

Обратная дорога заняла шесть дней. Мы еще два раза служили Литургию, было совершено Таинство Крещения.

Остановка в порту Новороссийска завершила для нас морской поход по водам семи морей. Три недели на борту выдались непростыми, но очень интересными.

Немного грустно было покидать корабль, ставший родным за время плавания. Но внутри было радостное чувство от большого и нужного дела, в начало которого были положены и наши усилия. Дай-то Бог, чтобы русские моряки вновь обрели веру. И стояли за Родину, надеясь не только на мощь оружия, но, подобно святому адмиралу Федору Ушакову, имели крепкое упование на Бога.

*Андрей Кудряшов,
4 курс мехмата МГУ*

1 кабельтов = 0,1 морской мили $\approx 185,2$ м

1 узел = 1 морская миля в час $\approx 1,85$ км/ч

Перед шествием в Троицкий собор 1 сентября 2005 года

10 ИЮНЯ

Священный Синод Русской Православной Церкви благословил открытие духовной семинарии в Хабаровске. Ректором Хабаровской семинарии назначен архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, проректором — иеромонах Петр (Еремеев), который до этого был проректором Московской духовной академии и главным редактором журнала «Встреча». В связи с этим назначением главным редактором журнала «Встреча» был избран Петр Королев, студент 5 курса МДС.

Интервью с отцом Петром (Еремеевым) читайте на странице 22.

12 ИЮНЯ

В Московских духовных школах состоялся торжественный выпускной акт, завершивший 2004/05 учебный год. Это был 56-ой выпуск Академии, 58-ой выпуск Семинарии, 12-ый выпуск Иконописной школы и 30-ый выпуск Регентской школы. Почти триста завершивших свое образование студентов вышли на церковное служение. По традиции выпускной день начался с Божественной литургии в Покровском академи-

ческом храме. После богослужения выпускники направились в Троицкий Собор, где был отслужен молебен преподобному Сергию Радонежскому. Испросив благословения Преподобного на предстоящие труды, студенты совершили литию у памятника почившим наставникам. На торжественном выпускном акте ректор Московских духовных школ архиепископ Верецкий Евгений зачитал поздравление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. От лица выпускников Академии, Семинарии, Регентской и Иконописной школ звучали благодарные слова в адрес учителей и наставников.

27–29 ИЮЛЯ

В Московской духовной академии проходил VII Всероссийский духовно-просветительный форум «Глинские чтения», посвященный теме «Православное воспитание как основа русской педагогической мысли». На форум со всей России и из зарубежья собрались православные педагоги для того, чтобы обсудить методологию преподавания в вузах и школах, особенно работы библиотек и важность духовно-нравственной подготовки учителей. В центре

внимания было педагогическое значение наследия глинских старцев и в особенности работы схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» — этот труд стал настольной книгой для многих православных педагогов.

Организаторами форума выступили историко-патриотическое общество «Наследники Александра Невского», Фонд святого благоверного князя Александра Невского и Московская педагогическая академия.

1 сентября

Традиционное для Московских духовных школ начало нового учебного года. По результатам вступительных экзаменов, проходивших 8–12 августа, в Семинарию и Академию было зачислено более 150 человек. Также состоялось зачисление в Регентскую и Иконописную школы. В отличие от предыдущих лет, набор в Московскую духовную академию проходил на четыре специализированных отделения: богословское, библейское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Наместником Троице-Сергиевой Лавры епископом Феогностом был совершен молебен у мощей Преподобного. Наставляя студентов, владыка Феогност подчеркнул большое значение духовной и интеллектуальной преемственности, существующей в Московских духовных школах, напомнив, что время, проведенное здесь, не должно быть потеряно впустую. После заупокойной литии у памятника почившим наставникам, в Большом актовом зале МДА состоялся акт на начало учебного года. После поздравления новопоступивших владыка ректор архиепископ Верецкий Евгений сказал о пастырском призвании и его значении для студента духовной школы.

4 сентября

В ходе IV Фестиваля «Обретенное поколение» Московской духовной академии была присуждена премия за труды по духовно-нравственному воспитанию и просвещению молодежи.

Лауреатами премии стали также Санкт-Петербургская духовная академия, Костромская духовная семинария, отделы по делам молодежи Челябинской и Тверской епархий, Российский государствен-

ный социальный университет, Российский государственный технологический университет, Военная академия ракетных войск стратегического назначения, Санкт-Петербургский вело-клуб «Самокат» и Юношеский симфонический оркестр России «Музыка детских сердец».

Премии «Обретенное поколение» и памятные статуэтки «Пастырь добрый» лауреатам вручал архиепископ Костромской и Галичский Александр вместе с председателем Комитета Правительства Москвы по делам семьи и молодежи О. Е. Пильщиковым.

Фото Д. Матвеева

Н. К. Гаврюшин

Русское богословие. Очерки и портреты

Нижний Новгород: «Глагол», 2005. — 384 с.

Несмотря на столь общее название, книга профессора Московской духовной академии Николая Константиновича Гаврюшина не является ни учебником, ни систематическим обзором русской богословской мысли. Скорее это путеводитель или заметки путешественника, цель которых — не систематическое исследование ландшафта, а описание опытно найденных дорог и тропинок, незаметных развилок и трудных перевалов. Читатель «Русского богословия» — это прежде всего тот, кто сам отправляется в путь по малоисследованной территории русской религиозной мысли XX века. Поэтому неудивительно, что основная забота автора — указать главные ориентиры и опасные места, где он сам сбивался с пути и с трудом выбирался на дорогу. Этим определяется и характер изложе-

ния: оценочный и критичный — в тайге не столько интересуют красоты предстоящего маршрута, сколько безопасность ночлега и наличие переправы.

Книга состоит из тринадцати очерков. Первые два носят обзорный характер, в остальных делаются портретные зарисовки русских богословов начала XX века: протоиерей Георгий Флоровский, В. Н. Лосский, архимандрит Киприан (Керн), священник Павел Флоренский и протоиерей Сергей Булгаков, митрополит Антоний (Храповицкий) и патриарх Сергей (Страгородский), И. В. Попов, С. В. Троицкий, М. М. Тареев...

Правильную оценку книга Николая Константиновича может получить только в контексте современного духовного образования. Коллеги-преподаватели духовных школ, учащиеся академий и семинаристы-

старшекурсники — вот аудитория, к которой обращается автор, с которой он спорит и шутит, которую поучает. Предполагается, что читатель уже знаком с «Путями» Флоровского и «Историей» Зеньковского, поэтому основное внимание уделено нюансам, ускользающим при поверхностном изучении. Отсюда и полемический запал в развенчании утвердившихся стереотипов.

Книга не оставляет читателя равнодушным. Кто-то возмутится резкой оценкой, данной любимому богослову-учителю, кто-то порадует, найдя новые фактические подтверждения своим интуитивным оценкам, — и то, и другое будет способствовать оживлению богословской мысли и в конечном счете послужит на пользу богословской науке.

*Николай Солодов,
4 курс МДС*